

В. П. Даниленко

КАРТИНА
МИРА
В ПОСЛОВИЦАХ
РУССКОГО
НАРОДА

Валерий Даниленко

**Картина мира в пословицах
русского народа**

«Алетейя»

2017

УДК 398.9(=161.1)+801.81
ББК 82.3(2Рос=Рус)

Даниленко В. П.

Картина мира в пословицах русского народа /
В. П. Даниленко — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906860-83-5

Цель этой книги – наметить путь к систематизации русских пословиц. Они рассматриваются на фоне истории России. На их материале автор пытается в какой-то мере воссоздать обыденную картину мира русского народа. Анализируемые пословицы систематизируются по пяти рубрикам – мир, физическая природа, живая природа, психика и культура. Последняя в свою очередь состоит из материальной культуры, куда входят пища, одежда, жилище и техника, и духовной культуры, куда входят религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык. Книга предназначена для тех, кто ценит русскую народную мудрость.

УДК 398.9(=161.1)+801.81
ББК 82.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906860-83-5

© Даниленко В. П., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
1. Теоретические предпосылки	11
1.1. Картина мира	11
1.2. Научная картина мира	14
1.3. Языковая картина мира	19
1.4. Мифологическая картина мира у славян	22
Небо	22
Перун	22
Стрибог	23
Сварог, Сварожич, Дажьбог, Хорс	24
Род	25
Велес	25
Ярило, Лада, Лель	26
Мокошь и Симаргл	26
Земля	26
Домовой	27
Леший	27
Водяной	27
Подземное царство	27
2. Русская пословичная картина мира	29
2.1. Мир	38
2.1.1. Беспорядок и порядок	40
2.1.2. Время	41
Прошлое	42
Настоящее	42
Будущее	43
2.1.3. Пространство	45
Близкое / далёкое	45
Путь / дорога	45
Простор / теснота	46
2.1.4. Начало и конец	46
2.1.5. Покой и движение	47
2.1.6. Общее и особенное	47
2.1.7. Явление и сущность	48
2.1.8. Качество и количество	48
2.1.9. Причина и следствие	51
2.1.10. Условие и следствие	51
2.2. Физическая природа	53
2.2.1. Земля	54
2.2.2. Вода	55
2.2.3. Болото	56
2.2.4. Огонь	57
2.2.5. Солнце	57
2.2.6. Луна	58
2.2.7. Воздух	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

В. П. Даниленко

Картина мира в пословицах русского народа

*Свод народной премудрости и суетности, это стоны и вздохи,
плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет
народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда.*
В. И. Даль о русских пословицах

© В. П. Даниленко, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Введение

Первые подступы к созданию науки о национальном духе (характере) сделал молодой Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835). Он назвал эту науку «сравнительной антропологией».

В работе «План сравнительной антропологии» (1795) В. Гумбольдт так истолковывал предмет задуманной им науки: «Сравнительная антропология исследует характеры целых классов людей, в первую очередь – характеры наций и эпох» (*Гумбольдт В. Язык и философия культуры*. М., 1985. С. 324).

Как видим, отчётливого представления о предмете сравнительной антропологии у В. Гумбольдта не было: с одной стороны, она исследует характеры наций, а с другой... – эпох. Тем не менее в её предметной области мы обнаруживаем характер нации. Но этот характер немецкий учёный в конечном счёте предлагал выявлять через язык. Вот почему от сравнительной антропологии он перешёл к сравнительной лингвистике.

Мориц Лацарус (1824–1903) и Гейман Штайнталь (1823–1899) в задуманной ими науке, которую они назвали «психологией народов», выдвинули понятие национального духа на центральное положение. Под национальным (народным) духом они имели в виду не что иное, как весь комплекс особенностей, которыми один народ отличается от другого.

Вот как об этом писал М. Лацарус: «Психология народов должна быть обоснована как наука о народном духе, т. е. как учение об элементах и законах духовной жизни народа. Она должна психологически познать сущность народного духа и его деятельность. Она должна открыть законы, по которым протекает внутренняя духовная деятельность народа, проявляющаяся в жизни, искусстве, науке...» (цит. по: *Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания*. М., 1959. С. 22).

М. Лацарус и Г. Штайнталь пошли по пути, проложенному В. Гумбольдтом. В языке они видели основной материал, из которого исследователь может черпать сведения о народном духе.

«Язык, – указывал М. Лацарус, – орган выявления духа, рычаг его развёртывания... Если язык индивида является выражением и мерилем его индивидуального духа, то язык народа... является выражением и мерилем духа народа» (там же. С. 23).

Грандиозную попытку создания науки о народном духе предпринял Вильгельм Вундт: его «Психология народов» составляет десять томов. Он писал этот фундаментальный труд в течение двадцати лет – с 1900 по 1920. В. Вундт заменил гумбольдтовский «дух нации» на «душу народа».

Немецкий учёный писал: «Многие из этих переживаний, несомненно, общи большому числу индивидуумов... Почему бы в таком случае не рассматривать с точки зрения актуального понятия о душе эти общие образования представлений, чувствований и стремлений как содержание души народа на том основании, на котором мы рассматриваем наши собственные представления и душевные движения как содержание нашей индивидуальной души; и почему бы этой "душе народа" мы должны приписывать меньшую реальность, чем нашей собственной душе?» (*Вундт В. Проблемы психологии народов*. С.-П., М., Харьков, Минск, 2001. С. 25).

В. Вундт проделал колоссальную работу по изучению души того или иного народа. Каким же содержанием он наполнял понятие «души народа»? Мы узнаём об этом по его определению объекта «психологии народов».

В. Вундт определял этот объект следующим образом: «Объектом этой будущей науки должны служить не только язык, мифы, религия и нравы, но также искусство и наука, общее

развитие культуры и её отдельные разветвления, даже исторические судьбы и гибель отдельных народов, равно как и история всего человечества» (там же. С. 14).

Как видим, объект науки, о которой здесь пишет В. Вундт, никак не вкладывается в психологию. Перед нами по существу предмет культурологической, а не психологической науки. Во всяком случае, В. Вундт выделил здесь основные сферы духовной культуры – религию, науку, искусство, нравственность («нравы») и язык. Только о политике здесь сказано в неявной форме («исторические судьбы»).

Душа народа для В. Вундта – синоним национального характера. Немецкий психолог считал, что национальный характер складывается из наиболее характерных особенностей этого народа. Всё дело в том, чтобы в душах индивидуальных представителей этого народа такие особенности найти и обобщить в некое усреднённое представление о национальной душе данного народа. Такая душа и есть не что иное, как его национальный характер.

По другому пути в психологии народов шёл французский философ Альфред Фуллье (1838–1912). О национальном характере того или иного народа, по его мнению, лучше судить не по его большинству, а по избранным натурам, которые воплощают наиболее характерные черты этого народа. Он писал: «В действительности, национальный характер далеко не всегда выражается наилучшим образом толпой, ни даже наличным большинством. Существуют избранные натуры, в которых лучше, чем во всех остальных, отражается душа целого народа, его глубочайшая мысль, его существеннейшие желания... По меньшей мере можно сказать, что она выражает собой стремления целой нации, вызванные системой идей и чувств, которые руководят ею» (Фуллье А. Психология французского народа, СПб., 1899 г.: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=159880).

Как обстоятельно показала завкафедрой социальной психологии МГУ Татьяна Гавриловна Стефаненко, психология народов (этническая психология, этнопсихология) прошла в своём развитии довольно большой путь, но у неё ещё всё впереди (Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/intro.php, 1999). Уж очень предмет щекотливый! Как бы не зацепить чью-нибудь национальную гордость! Она по-прежнему воспринимается как наука молодая. Её представители и до сих пор ощущают себя первопроходцами.

Так, Владимир Гаврилович Крысько в своей книге пишет: «*Этническая психология – ещё одна из самых молодых и перспективных наук*, поскольку она может внести свой вклад в решение ещё существующих сегодня межнациональных конфликтов и в строительство такого будущего мироустройства, где прогнозируемое многими учёными стирание различий между социальными группами будет происходить с учётом их национально-психологических особенностей» (Крысько В. Г. Этническая психология. М., 2008: <http://www.studfiles.ru/preview/2978357>).

Своим путём к обнаружению основных особенностей русского характера шла отечественная историография. Её золотым веком, как и в русской художественной литературе, стал XIX век. Он ознаменовался выходом в свет таких выдающихся трудов, как «История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), «История русского народа» Николая Алексеевича Полевого (1796–1846), «Древняя русская история» Михаила Петровича Погодина (1800–1875), «О развитии революционных идей в России» Александра Ивановича Герцена (1812–1870), «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» и «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа» Николая Ивановича Костомарова (1817–1885), «История России с древнейших времён» Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879), «История политических учений» Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904), «Русская история» Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897), «Общество и государство в домонгольский период русской истории» Николая Ивановича Хлебникова (1840–1880), «История России» Дмитрия Ивановича Иловайского (1832–1920),

«Краткое пособие по русской истории» Василия Осиповича Ключевского (1841–1911), за которым уже в XX в. последовал его полный «Курс русской истории», и др.

Историческая наука XX в. внесла свой вклад в исследование национального своеобразия русского народа. О её блестящих успехах свидетельствуют труды Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953), Сергея Владимировича Бахрушина (1882–1950), Михаила Николаевича Тихомирова (1893–1965), Дмитрия Сергеевича Лихачёва (1906–1999), Владимира Васильевича Мавродина (1908–1987), Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001), Валентина Лаврентьевича Янина (род. в 1929), Руслана Григорьевича Скрынникова (1931–2009), Игоря Яковлевича Фроянова (род. в 1936), Сергея Сергеевича Аверинцева (1937–2004) и мн. др.

В наше время предпринимаются попытки обнаружить цивилизационное своеобразие России с глобализационной точки зрения (см., например: Россия в архитектуре глобального мира. Цивилизационное измерение. Под ред. А. В. Смирнова. М., 2015). Бесценный источник для исследования русского характера – трёхтомная хрестоматия Сергея Кузьмича Иванова «Размышления о России и русских» (1994; 1996; 2006).

Постсоветские времена вознесли до небес лжеисториков, видящих смысл своей жизни в оплёвывании русской истории. Только один пример – акад. Ю. С. Пивоваров – тот самый, который был директором сгоревшей 30 января 2015 г. в Москве библиотеки ИНИОН РАН. Пожар, длившийся более суток, уничтожил более 5 миллионов экземпляров хранившихся в ней изданий.

В своём интервью журналу «Профиль» Ю. С. Пивоваров глубокомысленно заявил: «Тот же Александр Невский – одна из спорных, если не сказать смрадных фигур в русской истории, но его уже не развенчаешь... Невский, по сути, способствовал закреплению собственного народа кочевниками. Именно он оказался главным монголом Руси. Его стратегия оказалась ложной – монголы никуда не ушли. Он повинен в том, что не было сопротивления, формировалась соглашательская аристократия, которая, опираясь на кочевников, укрепляла свою власть. А Ледовое побоище – всего лишь небольшой пограничный конфликт, в котором Невский повёл себя как бандит, напав большим числом на горстку пограничников. Так же неблагородно он поступил и в Невской битве, за что и стал Невским. В 1240 году он, пробравшись в ставку шведского ярла, правителя, Биргера, сам выбил ему копьём глаз, что среди рыцарей считалось не комильфо» (*Юрий Пивоваров. «Должность царя у нас стала выборной» // Профиль. 1 сентября 2008 г.: <http://geno.ru/news/1856/#>*).

Особенно много русофобов было среди иностранцев. Вот почему и наши доморощенные русофобы воспринимаются как иностранцы, хоть они и изъясняются на русском языке. Заветная мечта русофобов всех времён и народов – уничтожение русских. Бандитизация русской истории – один из путей к её осуществлению. Замысел простой: бандитский народ должен быть уничтожен.

По всем каналам телевидения у нас без конца показывают теперь бандитские сериалы. Сначала их творцы переселили непомерно расплодившихся бандитов из реальной действительности на экран, но со временем аппетита у них разгорелись: они стали превращать в бандитскую всю русскую историю. Это неслучайно. Замысел такой: изобразить всю русскую историю по образу и подобию современной России. Их конечная цель – изобразить всю историю русских как историю бандитов. В бандитизме, с их точки зрения, состоит наше национальное своеобразие.

Легко ли обнаружить национальное своеобразие того или иного народа? На уровне обыденного сознания – да. Так, об одном из них говорят, что его представители по преимуществу ленивые и нелюбопытные, о другом – хитрые и жадные, о третьем – чопорные и высокомерные, о четвёртом – легкомысленные и любвеобильные, о пятом – горячие и нечистоплотные и т. д.

Весьма сомнительную научную ценность имеют и более развёрнутые портреты того или иного народа. Возьмём, например, серию книжек под названием «Эти странные русские;... французы... израильяне и т. д.». Вот что о «среднем русском» пишет в самом начале своей книжки Владимир Жельвис: «Национальный характер любого народа полон противоречивых и даже взаимоисключающих черт, но русские в этом отношении впереди многих. Средний русский – это меланхолик, который надеется на лучшее, одновременно тщательно готовясь к худшему. Часто для такой стратегии есть достаточные основания. "Вот так со мной всегда!" – печально восклицает русский, когда его постигает очередная неудача. Бормоча проклятия, он собирает разбросанные остатки своих пожитков и начинает жизнь с новой страницы» (Жельвис В. Эти странные русские. М., 2002. С. 5).

Выходит, что «средний русский» – нытик и неудачник. Вдохновляющее начало!

А на следующей странице мы узнаём о себе ещё и вот что: «Если спросить русских, какими они видят себя, они ответят в зависимости от сиюминутного настроения. А поскольку 23 часа в сутки настроение у них неважное, то, скорее всего, вы услышите, что они – самый несчастливый и невезучий народ в мире, что вот раньше, при коммунистах, всё было гораздо лучше, до революции ещё лучше, чем при коммунистах, а уж во времена Киевской Руси и вовсе великолепно. Сказав это, они упадут вам на грудь и оросят её горячими слезами. Если настроение у них будет получше, они, возможно, скажут вам, что они – самый доброжелательный, самый гостеприимный и самый дружелюбный народ на свете, и это будет уже гораздо ближе к истине» (там же. С. 6).

Резюмируем: в первую очередь мы воспринимаем себя как людей угрюмых, несчастных, невезучих, идеализирующих прошлое и лишь во вторую очередь – доброжелательных, гостеприимных и дружелюбных.

Странно, что этот В. Жельвис обошёл русскую лень. Но и без неё возникла невесёлая картинка! Ясно одно: речь идёт об индивидуальном представлении о русских со стороны нерусского человека, явно недолгоблюдающего русских.

Это особенно видно, когда автор книжки, о которой идёт речь, пишет о нашем восприятии других народов: «Англичане – такие забавные, с этими их древними традициями и дурацким юмором, который только они сами и понимают. Они, в общем-то, неплохие – всё-таки родственники последней царской фамилии и, подобно русским, любят гонять чай. Писатель у них только один – Шекспир. Французы – все сплошь любовники, нет ни одного, кто был бы верен своей жене. У них писатель – Дюма, ну, тот, что написал "Трёх мушкетеров". Немцев русские представляют такими серьёзными, скучными и трудолюбивыми педантами, которые читают Шиллера и цитируют Гёте. Последнюю войну с Германией русские всё ещё вспоминают с дрожью, но то ж были другие немцы, правда? Итальянцы живут во дворцах, едят макароны, пьют кьянти и расппевают неаполитанские песни. Очень весёлый народ. Писателей у них нету, но зато куча всяких художников, скульпторов и певцов. Самые лучшие – Микеланджело и Паваротти. Самые загадочные – это японцы. Они – восточный народ, и, значит, качество их жизни должно быть как у индийцев или китайцев, или хотя бы как у русских. Тот факт, что они достигли уровня европейского благосостояния, смущает и раздражает. Ну как это возможно? С японцами явно что-то не то! Тут какая-то ошибка природы» (там же. С. 8–9).

Где он откопал таких русских?

Русскому характеру В. Жельвис приписал следующие черты: *романтики в душе, чувство локтя, страдающая русская душа, мечта о халяве, русское терпение* (там же. С. 11–16). Всё!

Намного ближе к истине в определении национальных черт русского народа был Николай Бердяев. В книге «Русская идея» (1946) он писал: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей... Противоречивость и

сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад... Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» (Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера. Вып. III. Сост. С. К. Иванов. М., 2006. С. 507–508).

Светлана Семёнова указала на следующие антиномии русского характера: *анархизм, мятежность, антибуржуазность и покорность, терпение, консервативная инертность; свободолобие, аполитичность и государственность, бюрократизм; мессианская всечеловечность и национализм, почвенничество; богоискательство и воинственный атеизм* (Семёнова С. Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб., 2009. С. 623).

Михаил Делягин приписал русским следующие черты: *всечеловечность, креативность, справедливость, свободолобие, артельность, индивидуализм, терпеливость (пассивность, покорность, безынициативность), боязнь счастья, авральность*. Он вывел эти черты главным образом из азиатской привычки русских к насильственному объединению и их европейского индивидуализма. Он писал: «Принудительное внешнее объединение... полностью свободных внутренне элементов – это и есть формула российского общества» (Делягин М. Русская доля // Наша школа, 2010, № 10. С. 18). По поводу индивидуализма у русских у него читаем: «Русские – значительно большие индивидуалисты, чем даже американцы» (там же. С. 17).

Я мог бы найти и других авторов, приписывающих русским те или иные национальные черты, но лучше всего эти черты заявляют о себе не в высказываниях отдельных людей, даже если они очень проницательны, а в наших пословицах. Их коллективный автор – русский народ. Вот почему именно в его пословичной картине мира и следует в первую очередь искать характерные черты русского народа.

1. Теоретические предпосылки

1.1. Картина мира

В. И. Постовалова в своё время указала на то, что при характеристике картины мира следует различать три её ипостаси – самоё реалию (или феномен) картины мира, её понятие и термин: «Феномен, именуемый *"картина мира"*, является таким же древним, как и сам человек. Создание первых картин мира у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. Тем не менее реалья, называемая термином *"картина мира"*, стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время. Понятие картины мира находится в настоящий момент в стадии своего формирования» (Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке / Под ред. Б. А. Серебренникова. М., 1988. С. 12).

Что касается термина «картина мира», то он был введён на рубеже XIX–XX веков в науку Г. Герцем и М. Планком, которые стали его употреблять применительно к физической природе. Последний из этих физиков, в частности, понимал под физической картиной мира «образ мира», формируемый физической наукой, и, как ни странно, утверждал, что «картина мира, мира вещей для всех людей одинакова» (Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966. С. 106). В философии и лингвистике данный термин впервые стали употреблять Л. Витгенштейн, К. Ясперс и Л. Вайсгербер.

Термин *картина мира* вошёл в «Краткую философскую энциклопедию», где под ним понимается «совокупность мировоззренческих знаний о мире, совокупность предметного содержания, которым обладает человек» (Краткая философская энциклопедия / Сост. Е. Ф. Губский. М., 1994. С. 201). Более понятное определение данному термину даёт В. И. Постовалова: «Картина мира есть целостный глобальный образ мира» (указ. статья В. И. Постоваловой. С. 19).

В. И. Постовалова писала: «Существует несколько качественно различных типов субъектов картин мира: взрослые и дети; лица психически нормальные и лица с нарушениями в психике; люди современной цивилизации и люди архаического миропонимания. Соответственно выделяются три принципиально различных типа картин мира:

- 1) картина мира взрослого человека и детская картина мира;
- 2) картина мира психически нормального человека и психопатологическая картина мира;
- 3) "цивилизованная" картина мира и архаическая» (с. 32).

Подобные классификации картин мира, бесспорно, имеют право на существование, но они имеют узкое применение. Первая классификация, очевидно, важна, главным образом, для педагогов, вторая – для психиатров, третья – для историков.

Широкую значимость для человека имеет культурологическая классификация картин мира, в основе которой лежат определённые сферы духовной культуры.

Культурологическая точка зрения на типологию картин мира предполагает, что основные типы картин мира связаны с шестью сферами духовной культуры – религией, наукой, искусством, нравственностью, политикой и языком. Каждый из этих компонентов предопределяет соответствующий тип картины мира. В итоге мы получим шесть базовых картин мира – религиозную, научную, художественную, нравственную, политическую и языковую. Каждая из них строит свою модель мира, осваивая свой взгляд на мир.

Субъектами религиозной картины мира являются верующие, субъектами научной картины мира – учёные, субъектами художественной картины мира – художники, субъектами

нравственной картины мира – моралисты, субъектами политической картины мира – политики и субъектами языковой картины мира – рядовые носители повседневного языка. Все они смотрят на один и тот же (хотя и меняющийся) объект – мир, но смотрят на него по-разному (см. подр.: Даниленко В. П., Даниленко Л. В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. М., 2012).

«Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира, – писал А. Эйнштейн, – для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и её оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни» (Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1964, т. 2. С. 136).

Каждый из шести выделенных типов картины мира имеет множество подтипов. Так, религиозный тип включает в себя столько подтипов, сколько на свете существует религий. Следовательно, можно говорить об индуистской, иудаистской, христианской, исламской, зороастрийской и т. п. картинах мира. Более того, они имеют особые национально-исторические формы своего существования (одна форма языческой картины мира, например, была у древних славян, другая – у скифов и т. д.).

Особого внимания в этой книге заслуживают научная и языковая картины мира. Рассмотрим их в сравнительном плане.

Почему язык стали уподоблять науке?.. «Язык производит организацию опыта, – отвечает Б. Уорф. – Мы склонны думать о языке просто как о технике выражения, и мы понимаем, что язык прежде всего есть классификация и обработка потока чувственного опыта, результатом чего является некоторый мировой порядок... Другими словами, язык делает более грубо... то же самое, что делает наука...» (Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 151).

А. Эйнштейн писал: «Наука – это неустанная многовековая работа мысли свести вместе посредством системы все познавательные явления нашего мира» (Умное слово / Сост. А. И. Соболев. М., 1966. – С. 216). Вместо слова *наука* мы можем поставить здесь также и слово *язык*.

В самом деле, язык и наука – каждый по-своему – классифицируют явления объективного мира и приводят знания о них в систему. Эту систему метафорически можно назвать картиной мира. В случае с языком – это языковая картина мира, а в случае с наукой – научная. Эти картины объединяет два фундаментальных атрибута – классификационность и системность. Но между ними имеются и различия, хотя они и не носят абсолютного характера.

Главное различие между языковой и научной картинами мира заключается в том, что первая отражает результаты деятельности обыденного (массового) сознания, а другая – научного. Из этого фундаментального различия вытекают и другие, производные из него, расхождения между данными картинами мира:

1) при формировании языковой картины мира в большей мере действует субъективный (человеческий) фактор, чем объективный. Иначе говоря, языковая картина мира менее объективна, чем научная;

2) языковая картина мира всегда имеет национальную специфику, поскольку её демиургом и носителем является тот или иной народ, а научная картина мира стремится быть универсальной (интернациональной). Иными словам, языковая картина мира характеризуется идиоэтничностью, а научная – универсальностью;

3) языковая картина мира плюралистичнее научной. В последней в большей мере, чем в первой, представлена тенденция к монизму.

Другие отличия, имеющиеся между языковой и научной картинами мира, связаны с их «возрастом», изменчивостью и фиксированностью в знаках:

4) языковые картины мира несоизмеримо старше научных, поскольку язык появился значительно раньше науки;

5) языковая картина мира консервативнее научной. Иначе говоря, смена представлений, имеющихся в научной картине мира, происходит намного быстрее, чем в языковой;

6) языковая картина мира до сих пор зафиксирована лишь на уровне отдельных примеров, подчёркивающих разницу между языками. Картина мира в целом до сих пор не реконструирована ни в одном из языков. Научная картина мира, напротив, характеризуется весьма высокой степенью фиксированности в знаках.

1.2. Научная картина мира

Научная картина мира в наибольшей степени приближается к адекватной модели всего мироздания. Она исторически изменчива (см. подр.: Даниленко В. П., Даниленко Л. В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. М.: КРАСАНД, 2012. 640 с). Если обратиться к современной научной картине мира, то её обобщённый эскиз может выглядеть следующим образом.

Весь мир часто называют *универсумом* (*universum* по-латински – мир как целое, всё сущее), а его эволюцию (*evolutio* по-латински – развиваю, развёртываю) – *унигенезом* (*γενεσις* по-гречески – происхождение, развитие). Но у мира есть ещё и полуметафорическое название – *мироздание*. Следует сразу уточнить: мироздание *четырёхэтажное*.

На первом этаже мироздания расположилась физическая природа (звёзды, планеты, вода, воздух и т. д.). Её можно назвать также *физиосферой*. Внутри этого, нижнего, этажа происходит её эволюция – *физиогенез*. У физиосферы нет эволюционного возраста, потому что она вечна. Но эволюционный возраст Земли известен – около 4,54 миллиарда лет. Она возникла из солнечной туманности. Возраст же Солнца – приблизительно 4,57 миллиарда лет. Округлённо говоря, Солнце и Земля возникли приблизительно 4,5 миллиарда лет назад.

На втором этаже мироздания расположилась живая природа (растения, животные, люди). Её можно также назвать *биосферой*. Внутри этого этажа происходит её эволюция – *биогенез*. Предполагают, что жизнь возникла на Земле 3,9 миллиарда лет назад. Выходит, что эволюционный возраст биосферы – около 4 миллиардов лет. Выходит также, что Земля была безжизненной более полумиллиарда лет.

На третьем этаже мироздания мы обнаруживаем *психику* (ощущения, восприятия, представления, понятия и т. д.). Её можно назвать также *психосферой*. Внутри этого этажа протекает её эволюция – *психогенез*. Если психическую способность приписывать всем животным, то можно сказать, что эволюционный возраст психосферы совпадает с возрастом животных.

На четвёртом этаже мироздания, наконец, расположилась *культура* (пища, одежда, жилище, техника, религия, наука, искусство, нравственность и т. д.). Её можно назвать также *культуросферой*. Внутри этого, верхнего, этажа происходит её эволюция – *культурогенез*. Эволюционный возраст культуросферы совпадает с эволюционным возрастом человечества, поскольку создателем культуры стал человек. Собственно говоря, наш животный предок потому и стал превращаться в человека, что он стал создавать культуру. Вот почему культурогенез можно назвать также *антропогенезом* или *гоминизацией* (очеловечением). Его эволюционный возраст – приблизительно 2,5 млн. лет.

Любая сфера культуры прошла через свою эволюцию. Это касается, в частности, науки, нравственности, политики и языка. См. мои книги:

- *От тьмы – к свету*. Введение в эволюционное науковедение. СПб.: Алетейя, 2015. 429 с.
- *От животного – к человеку*. Введение в эволюционную этику. СПб.: Алетейя, 2015. 391 с.
- *От несправедливости – к справедливости*. Введение в эволюционную политологию. СПб.: Алетейя, 2016. 410 с.
- *От предъязыка – к языку*. Введение в эволюционную лингвистику. СПб.: Алетейя, 2015. 387 с.

За сравнительно короткий срок культура превратилась во «вторую природу». «Культура предстаёт как сотворённая человеком "вторая природа", надстроенная над природой

естественной, как мир, созданный человеком, в отличие от девственной природы» (Фролов И. Т. и др. Введение в философию. В 2 ч. Ч. 2. М., 1989. С. 524).

В метафоре *вторая природа* по отношению к культуре заложен глубокий смысл. Она говорит нам, во-первых, о том, что продукты культуры создаются из природных материалов, а во-вторых, о том, что культура колоссальным образом увеличивает наши природные возможности: лопата, ткацкий станок, подъёмный кран и т. п. – возможности наших рук; автомобиль, поезд, самолёт и т. п. – возможности наших ног; телефон, радио, диктофон и т. п. – возможности нашего слуха; микроскоп, бинокль, телескоп и т. п. – возможности нашего зрения, а компьютер – возможности нашей головы. Культура в конечном счёте сделала человека самым могущественным существом на Земле.

Но, увы, у эволюции имеется и её антипод – инволюция (*involutio* по-латински – *свёртываю*). Вот почему в только что изображённое мироздание мы должны внести существенное дополнение.

Физиогенез, биогенез, психогенез и культурогенез не существуют сами по себе. Они находятся в отношениях коэволюции. Они представляют собою разные формы единого процесса – эволюции. Но существуют и аналогичные формы инволюции. Воспользовавшись латинской приставкой «а-», подобной нашей «не-», мы можем назвать эти формы афизиогенезом, абиогенезом, апсихогенезом и акультурогенезом.

В каждом этаже мироздания мы обнаруживаем единство и борьбу эволюции и инволюции – физиогенеза и афизиогенеза, биогенеза и абиогенеза, психогенеза и апсихогенеза, культурогенеза и акультурогенеза. Всё дело лишь в том, чтобы в борьбе, о которой идёт речь, эволюция одерживала верх над инволюцией. В противном случае в истории человечества произойдёт переворот, о последствиях которого мы можем сейчас лишь догадываться. Он перевернёт этот мир с ног на голову, поскольку он будет состоять в замене эволюции на инволюцию. Это означает, что силы последней начнут одерживать верх над силами первой. Эволюционное, прогрессивное движение станет уступать место инволюционному, регрессивному. Эволюция в этом случае придёт к своему исходному пункту. Для людей это не что иное, как человекообразное обезьянье стадо.

Что мы имеем уже сейчас? О замене эволюционной доминанты в мире на инволюционную уже и сейчас свидетельствуют очень многие факты. Возьмём для начала соотношение между физиогенезом и афизиогенезом. Теория большого взрыва предсказывает, что в далёком будущем расширение Вселенной сменится её сужением. Это, очевидно, означает, что эволюция в физиосфере (физиогенез) уступит место инволюции (афизиогенезу), поскольку конечным пунктом её сужения станет сверхплотное вещество, подобное тому, из которого произошла современная Вселенная.

До господства афизиогенеза над физиогенезом, к счастью, ещё очень далеко, но теоретически это господство по существу означает уничтожение всех этажей мироздания, возвышающихся над его первым этажом.

А как обстоит дело со вторым этажом мироздания, пока его не тронул далёкий афизиогенез? Происходит ли эволюция живой природы в наше время?

В начале 30-х годов XX века южноафриканский биолог Р. Броом пытался остановить эволюцию живой природы. Он заявил о её конце. Более того, он утверждал, что птицы и млекопитающие перестали эволюционировать 40 миллионов лет назад. Британский палеоантрополог А. Кейтс отреагировал на заявление Р. Броома о конце эволюции таким образом: «Не существует фактов, которые заставили бы нас уверовать в то, что природа сегодня менее плодovита, чем раньше» (Галл Я. М. Джулиан Сорелл Хаксли. М., 2004. С. 188). Точку зрения Р. Броома, как ни странно, поддержал знаменитый английский биолог Дж. Хаксли.

Мы должны присоединиться к А. Кейтсу. Мы пока ещё живём в мире, где эволюция – в том числе и в живой природе – господствует над инволюцией. Однако из этого опти-

мистического заявления вовсе не следует вывод о том, что в современной биосфере, как и физиосфере, всё благополучно. Экологи кричат об обратном. Абиогенез в современном мире навязан природе ненасытными человеческими потребностями.

О ситуации с соотношением эволюции и инволюции в культуре я написал целую книгу: «Инволюция в духовной культуре: ящик Пандоры» (М.: КРАСАНД, 2012. 576 с). В последние десятилетия Пандора явно облюбовала Россию. Как из ящика Пандоры, сыплются из телевизора на наши головы новости о нескончаемых катастрофах. Каждый день нам сообщают о массовых человеческих жертвах – то от урагана, то от наводнения, то от пожара, то от затопления, то от завала, то от крушения, то от взрыва, то от отравления, то от террориста, то от заказного убийцы, то от сексуального маньяка... Плачь, Русская земля!

В ходу у нас теперь не только «*лже*», но и «*де*»: дефляция, деиндустриализация, деколлективизация, дегуманизация, деинтеллектуализация, дебилизация, десоветизация, десталинизация и прочие «*де*», а в итоге – деградация и депопуляция всей страны. В результате мы вырвались на первое место в мире по количеству самоубийств, числу разводов, абортот, убыли населения, потреблению спирта, табака, смертности, продаже поддельных лекарств, потреблению героина, количеству авиакатастроф...

Каждый этаж мироздания, а стало быть, и мироздание в целом, вмещает в себя не только эволюцию, но и инволюцию. Как та, так и другая должны исследоваться наукой. Каким образом мы можем представить себе классификацию базовых наук?

Каждый этаж мироздания изучается особой наукой. Его первый этаж изучается физикой, его второй этаж – биологией, его третий этаж – психологией и его четвёртый этаж – культурологией (или антропологией). Каждая из этих четырёх наук называется *частной*, поскольку она изучает лишь соответствующую *часть* мира. Но есть ещё и *общая* наука, возвышающаяся над всеми частными науками, *обобщающая* достижения всех частных наук. Эта наука называется философией.

Классификацию базовых наук, таким образом, можно изобразить такой таблицей:

ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
БИОЛОГИЯ
ФИЗИКА

Все пять наук называются базовыми потому, что они составляют основу (базу) для других наук – входящих в эти пять базовых наук. Так, в физику входят такие науки, как астрономия, геология, гидрология и т. п., в биологию – ботаника, зоология, генетика и т. п., в психологию – зоопсихология и психология человека, а в культурологию – науки о материальной культуре и духовной культуре. В последние следует включить религиоведение, науковедение, искусствоведение, этику, политологию и лингвистику. Предметами их изучения являются шесть компонентов духовной культуры – религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык.

Философия – наука наук. Она опирается на четыре частные науки, чтобы обобщить их в единую общенаучную картину мира. Степень её истинности в первую очередь зависит от наличия в сознании её создателей самого передового научного мировоззрения – универсального эволюционизма.

Но эволюционизм не должен оставаться привилегией философов. Он уже охватил все частные науки. Более того, он охватит в будущем обыденное сознание. Именно эволюционизм позволит человечеству выжить. Дело стало за малым – ему надо учиться, учиться и учиться.

Начинать нужно с основных понятий универсального эволюционизма, которые можно представить в виде следующей таблицы:

УНИВЕРСУМ	
ЭВОЛЮЦИЯ Гармонизация: хаос → гармония Физиогенез → биогенез → психогенез → культурогенез	ИНВОЛЮЦИЯ Хаотизация: хаос ← гармония Афизиогенез ↔ абиогенез ↔ апсихогенез ↔ акультурогенез
КУЛЬТУРА	
Гоминизация: животное → человек	Анимализация: животное ← человек
РЕЛИГИЯ	
Атеизация: вера → безверие	Теизация: вера ← безверие
НАУКА	
Сциентизация: ложь → истина	Антисциентизация: ложь ← истина
ИСКУССТВО	
Эстетизация: безобразное → прекрасное	Антиэстетизация: безобразное ← прекрасное
НРАВСТВЕННОСТЬ	
Морализация: зло → добро	Аморализация: зло ← добро
ПОЛИТИКА	
Политизация: несправедливость → справедливость	Аполитизация: несправедливость ← справедливость
ЯЗЫК	
Лингвизация: разобщение → единение	Алингвизация: разобщение ← единение

Эволюционный смысл универсума (а человек – его частица) – слева, инволюционная атака на этот смысл – справа.

Только шесть комментариев к приведённой схеме универсума.

1. Эволюция религиозного сознания осуществляется в направлении от неверия к вере. Это направление можно назвать теизацией. Она сыграла положительную роль в гоминизации. Но уже Средние века показали, что вред, наносимый культуре со стороны религии,

преобладает над пользой. Вот почему мудрые головы видят в религии фактор, тормозящий культурную эволюцию. На его место они ставят атеизацию – движение от веры в Бога к безверию.

2. Эволюция в науке состоит в движении от лжи к истине. Это движение можно назвать сциентизацией. Без сциентизации человеческого сознания никакой прогресс в культуре невозможен. Более того, сциентизация – главный фактор очеловечения.

3. Эволюция в искусстве состоит в движении от безобразного к прекрасному. Это движение можно назвать эстетизацией. Без эстетизации человеческого сознания процесс очеловечения немыслим. Эстетически неразвитый человек есть человек неполноценный.

4. Эволюция в нравственности состоит в движении от зла к добру. Это движение называется морализацией. Без морализации человеческого сознания общественный прогресс невозможен. Человек безнравственный есть зверь.

5. Эволюция в политике состоит в движении от несправедливости к справедливости. Это движение – политизация. Без массовой политизации движение к справедливому политическому строю не представляется возможным. Человек аполитичный есть раб несправедливого социального режима.

6. Эволюция в языке состоит в движении от разобщения к единению. Это движение – лингвизация. Без лингвизации об очеловечении говорить не приходится. Недаром грузины говорят: сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек. Своим существованием культурная эволюция обязана человеку говорящему. Человеческий род без языка – нонсенс. Лингвизация – путь к социальности, тогда как алингвизация – путь к асоциальности.

Атеизация, сциентизация, эстетизация, морализация, политизация и лингвизация – вот шестеричный путь, ведущий нас к эволюционным идеалам. Только на этом пути мы обретаем свою сущность – человечность.

1.3. Языковая картина мира

Истоки понятия языковой картины мира восходят к учению Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) о внутренней форме языка. Его автор различал две формы языка – внешнюю и внутреннюю.

Под внешней формой того или иного языка В. Гумбольдт имел в виду его звуковое своеобразие, а под его внутренней формой – смысловое (семантическое) своеобразие (см. подр.: Даниленко В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М., 2010).

Термины *внутренняя форма языка* и *языковая картина мира* следует расценивать как синонимические, поскольку В. Гумбольдт интерпретировал внутреннюю форму языка как мировидение, заключённое в языке. Он писал: «Всякий язык в любом из своих состояний образует целое некоего мировидения, содержа в себе выражение всех представлений, которые нация составляет себе о мире, и для всех ощущений, которые мир вызывает в ней» (Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Ч. 1. М., 1997. С. 64).

Любой язык отображает мир, но отображает его с определённой точки зрения – той точки зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык. В любом языке, таким образом, представлен универсально-объективный аспект (он связан с отражением в языке объективной реальности как таковой) и субъективно-национальный (идиоэтнический), который отражает уже не мир как таковой, а точку зрения на него со стороны носителей этого языка.

Элементарный пример: французы, немцы и англичане, в отличие от русских, вербализуют руку не целиком, а деля её на две части: *main-bras*; *Hand-Arm*; *hand-arm*. Выходит, что на руку они смотрят с разных точек зрения. Если же суммировать разные точки зрения на один и тот же мир во всех языковых системах, то и выйдет, что в каждой из них заключено не что иное, как особое мировидение.

Переход от одного языка к другому представлялся В. Гумбольдту как смена одного языкового мировидения на другое. Он писал: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира» (Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 80).

Термина *языковая картина мира* мы не найдём у авторов гипотезы Сепира-Уорфа. Но отсюда не следует, что у них не фигурировало само понятие языковой картины мира. Это понятие, в частности, вырисовывается в таких выдержках из работ Эдварда Сепира (1884–1939):

1. «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершённая система обозначения... Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчёта к другой» (Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 252).

2. «Каждый язык обладает законченной в своём роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка» (там же. С. 254).

3. «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов» (там же. С. 255).

Термин «*языковая картина мира*» (*sprachliches Weltbild*) был введён в науку Лео Вайсгербером (1899–1985). Он приписывал языковой картине мира шесть существенных признаков – словоцентризм, системность, своеобразие, изменчивость, действенность и сложность.

Словоцентризм языковой картины мира, по Л. Вайсгерберу, состоит в том, что любой язык по-своему ословливает (вербализует) мир, т. е. делит его на те или иные явления, обозначаемые с помощью слов. Так, словесное поле родства в разных языках по-своему делит подведомственную ему область. Например, в немецком языке – в отличие от сербохорватского, как и русского, – нет слов для обозначения тестя и свекра. Немцы вынуждены говорить о них с помощью словосочетаний – отец жены и отец мужа.

Языковая картина мира есть системное, целостное представление о мире. В этом состоит ее *второй признак*. Это означает, что каждый язык изображает по-особому *весь* мир, а не только отдельные его фрагменты. Неслучайно вслед за В. Гумбольдтом Л. Вайсгербер писал: «Язык позволяет человеку объединить весь свой опыт в единую картину мира» (*Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа*. М., 1993. С. 51).

Языковая картина мира своеобразна у каждого народа. В этом состоит её *третий признак*. Так, разные языки по-разному делят цветовой спектр. Например, в немецком, как и в английском и французском, нет специальных слов для обозначения синего и голубого цветов. С другой стороны, во вьетнамском имеется 13 наименований для разных видов бамбука, тогда как в европейских языках они отсутствуют.

Четвёртый признак языковой картины мира – её изменчивость. Л. Вайсгербер пояснял это на примере словесного членения животного царства в современном языке и в его истории. Оказалось, что языковая картина животного мира в разные периоды развития немецкого языка оказалась разной. Так, в древности немецкий язык классифицировал животных на пять групп: *домашние животные, бегающие дикие, летающие, плавающие, ползающие*. В современном же языке картина мира животных у немцев иная.

Пятая черта языковой картины мира – её действенность в отношении познавательной и практической деятельности человека. Л. Вайсгербер настаивал на господстве языковой картины мира в сознании человека над другими картинами мира – мифологической (религиозной), научной, политической и т. п. С его точки зрения, именно язык направляет познание по определённому руслу со значительно большей силой, чем это делают другие картины мира. Он писал: «Человек, который вырастает в некий язык, находится на протяжении всей жизни под влиянием своего родного языка, действительно думающего за него» (там же. С. 168).

Шестая черта языковой картины мира, по Л. Вайсгерберу, – её сложность. Она состоит в том, что она складывается из четырёх её разновидностей – словообразовательной, словесной, морфологической и синтаксической. Каждая из них изображает мир, однако возможности словообразовательной, морфологической и синтаксической картин мира в моделировании мира не идут ни в какое сравнение с аналогичными возможностями словесной (лексической) картины мира. Лексических единиц в любом языке намного больше, чем словообразовательных, морфологических и синтаксических. Вот почему именно лексика, а не другие единицы языка, позволяет изобразить мир в достаточно адекватном виде (см. подр.: *Даниленко В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство*. М., 2010. С. 120–123).

«Словарный запас конкретного языка, – писал Л. Вайсгербер, – включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» (*Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства*. Т. 1. М., 1997. С. 250).

Обобщению современных представлений о лексической картине мира посвящена книга Олега Александровича Корнилова «Языковые картины мира как производные наци-

ональных менталитетов» (2-е изд. М., 2003). Её автор анализирует в этой книге лексико-семантические поля (ЛСП) рыб, звукоподражаний и др.

Если у Л. Вайсгербера излюбленными были поля цветообозначений и родственников, то у О. А. Корнилова таким полем стало ЛСП насекомых (энтосемизмов). Он называет это поле лексико-семантической группой (ЛСГ). При этом он сравнивает эту группу с соответственной научной (биологической) классификацией.

О. А. Корнилов насчитал в русском языке 79 наименований насекомых, но только 9 из них вошли в ядерную зону соответственного ЛСП. О. А. Корнилов пишет в связи с этим: «Полевую структуру ЛСГ энтосемизмов, по нашему мнению, можно представить в виде ядра, группы наименований, примыкающих к ядру, и периферии. Ядро ЛСГ составили девять наименований: *муха, пчела, оса, стрекоза, кузнечик, жук, бабочка, комар, муравей*. Именно эти наименования (и в таком порядке) включены в «Лексическую основу русского языка» под редакцией В. В. Морковкина» (указ. соч. О. А. Корнилова. С. 30). В эти слова надо вникнуть поглубже! Из них следует, что в ядерную зону ЛСП энтосемизмов в русском языке входят наименования только девяти (!) насекомых. Только и всего! Сразу напрашивается предположение о *количественной* разнице между ЯКМ и научной. Это предположение подтверждает О. А. Корнилов.

На 29 странице он помещает схему, в которой представлены наименования *отрядов* насекомых. Вот что показывает эта схема: в ней всего 28 наименований. Все они входят в научную классификацию энтосемических отрядов. При этом только 10 из них входят не только в эту классификацию, но и в соответственное ЛСП в русском языке. Эти 10 энтосемизмов такие: *тараканы, термиты, пухоеды, вши, клопы, жуки, блохи, мухи, ручейники и бабочки*.

Мне кажется, цифру 10 здесь надо уменьшить, по крайней мере, на два наименования – *пухоеды* и *ручейники*. Они явно неизвестны русскому носителю обыденной (языковой) картины мира. В любом случае эта небольшая группа слов, вошедших в картину мира русского языка, соседствует в научной картине мира, по мнению О. А. Корнилова, с 18-ю (с 20-ю – по моему мнению) неизвестными широкой публике научными наименованиями отрядов насекомых. Вот только некоторые из них: *прямокрылые, эмбии, кожистокрылые, трипсы, вислокрылые, верблюдки, сетчатокрылые, перепончатокрылые, скорпионницы* и др.

На данном примере прекрасно видно, что язык в области терминологии явно отстаёт от науки. Между ними существенная *количественная* разница. ЯКМ усвоила намного меньше терминов, чем научная картина мира.

Но между ЯКМ и научной имеется не только количественная, но и качественная разница. Она состоит в том, что дефиниции научных терминов и терминов, вошедших в ЯКМ, далеко не всегда совпадают. Вот как это объясняет О. А. Корнилов: «Обиходные значения отличаются от научных понятий не просто объёмом, но и "качеством", т. к. языковое сознание может приписывать слову элементы значения, не соответствующие научному знанию о называемом объекте» (там же. С. 37).

1.4. Мифологическая картина мира у славян

У славян были свои мифологические представления о трёх областях мира – небе, земле и подземном царстве.

Небо

Небо – обитель высших славянских богов – Перуна, Стрибога, Сварога, Сварожича, Дажьбога, Хорса, Рода, Белеса, Ярилу, Ладу, Лель, Мокошь, Симаргла.

Только шесть из перечисленных богов великий князь Владимир Святославович в 978 (или в 980 г.) поместил в киевское языческое святилище. Вот как об этом рассказывается в «Повести временных лет», которая была составлена монахом Киево-Печерского монастыря Нестором около 1113 г.: «Поставил (Владимир) кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряною головою и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокоши. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и поклонялись бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими» (Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону, 1996. С. 240–241).

В своей «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёв так описал крещение киевлян в 988 г.: «По возвращении в Киев Владимир прежде всего крестил сыновей своих и людей близких. Вслед затем велел ниспровергнуть идолов... Из ниспровергнутых идолов одних рассекли на части, других сожгли, а главного, Перуна, привязали лошади к хвосту и потащили с горы, причём двенадцать человек били истукана палками: это было сделано, прибавляет летописец, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поругание бесу, который этим идолом прельщает людей: так пусть же от людей примет и возмездие. Когда волокли идола в Днепр, то народ плакал; а когда Перун поплыл по реке, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его от берега до тех пор, пока пройдет пороги. Затем приступлено было к обращению киевского народа; митрополит и священники ходили по городу с проповедью: по некоторым, очень вероятным известиям, и сам князь участвовал в этом деле» (Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера. Т. I. Сост. С. К. Иванов. М., 1994. С. 57–58).

Процесс христианизации русского народа был чрезвычайно мучительным. Очень многие оказывали ей сопротивление. Приходилось применять насилие. Об этом свидетельствует пословица о крещении новгородцев: *Путьята крестил их мечом, а Добрыня – огнём*. О сопротивлении христианизации со стороны нашего народа, между прочим, свидетельствует в какой-то мере, тот факт, что, хотя и в очень ущербном виде, славянская мифология дошла до нашего времени.

Перун

Подобно Зевсу, Перун был не только богом грома и молнии («*нярун*» по-белорусски значит «*гром*»), но и верховным богом, богом-вседержителем, богом-мироправителем. Н. М. Карамзин писал: «В России до введения христианства первую степень между идолами занимал Перун, бог молнии, которому славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного Мироправителя» (Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону, 1996. С. 72).

Об особом, наиболее почтительном отношении славян к Перуну говорит тот факт, что после принятия Владимиром христианства идола Перуна в Киеве не изрубили на куски и

не сожгли, как других идолов, а опустили в воды Днепра. Двенадцать дружинников сопровождали кумир Перуна по мере продвижения его по течению реки до того момента, пока он не прибился к острову.

Более того, образ Перуна не был полностью изжит из памяти народной и в дальнейшем. Этот образ трансформировался в христианстве в образ пророка Ильи, который ездит по небу на огненной колеснице. Мы можем сказать, что 20 июля – не только Ильин, но и Перунов день. Этот день обычно воспринимается у нас как окончание купального сезона.

Возможно, образ Перуна связан с животным тотемом – конём. Вот почему славянские сказки и былины изображали его в виде всадника на коне или на колеснице, который поражает своею палицей Змея Горыныча. Победа над ним означала освобождение дождя, несущего земле живительное плодородие. Мы наблюдаем здесь слияние мифологии с народным искусством – фольклором.

А. Н. Афанасьев писал: «Трудные подвиги богатырей и их битвы с великанами и змеями суть только образные, поэтические изображения естественных явлений, так могущественно влияющих на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, в народных сказках представляется девою неопишуемой красоты, похищаемой змием, который уносит её в свои неприступные горы и ограждает крепкими затворами; освободителем красной девицы является богатырь, владетель чудодейственного меча-саморуба, то есть сам Перун, божество грозы и молнии; он проникает в мрачные подземелья, выпивает там всю сильную воду и поражает змия, или, говоря простым обыкновенным языком, он разбивает тучи молнией, проливает на землю дождь и выводит из змеиных пещер деву-солнце» (там же. С. 76–77).

Но Перун, по религиозным представлениям, – не только защитник людей, за их проступки он может карать людей неурожаем, голодом или поветрием (эпидемией). В подобных представлениях просматривается нравственная функция Перуна, основанная на устрации. Имея в виду эту функцию, М. М. Херасков в поэме «Владимир возрожденный» так описывал Перуна: «Боги велики, но страшен Перун! Ужас наводит тяжёла стопа, как он, в предшестве страшной грозы, мраком одеян, вихрями повит, грозные тучи ведёт за собою...» (там же. С. 82).

Стрибог

По мнению многих исследователей, Стрибог старше Перуна. Вот почему его функциональная природа не поддается строгому объяснению. Его определяли и как верховного бога славянского пантеона, и как деда ветров, и как бога погоды, и как бога-строителя добра, и как бога-отца, и как бога неба.

Две последние точки зрения на функциональную природу Стрибога могут быть объединены в одну. Это позволит говорить об этом боге как небе-отце всей вселенной. Генетическая сторона славянской мифологии держится на догадках. Так, если Стрибога расценивать как небесного отца, то в качестве его жены следует рассматривать мать-сыру землю.

Опираясь на древнейшие космогонические представления, А. Н. Афанасьев писал: «Летнее небо обнимает Землю в своих горячих объятиях, как невесту или супругу, рассыпает на неё сокровища своих лучей и вод, и Земля становится чреватой и несёт плод, не согретая весенним теплом, не напоённая дождями, она не в силах ничего произвести. В зимнюю пору она каменеет от стужи и делается неплодной...» (там же. С. 107).

Во времена Владимира Великого верховный статус Стрибога в славянском пантеоне был уже утрачен. Этот статус перешёл к Перуну, однако и авторитет Стрибога оставался ещё высоким. Вот почему его идол был выставлен Владимиром в киевском языческом святилище среди других пяти славянских богов.

Сварог, Сварожич, Дажьбог, Хорс

Сварог, Сварожич, Дажьбог и Хорс – солнечные божества. Во многом их функции переплетаются. Может, поэтому Владимир оставил в своем капище только двух из них Хорса и Дажьбога? К чему являть солнце в четырёх божественных ликах, если достаточно двух? Выбор пал на Дажьбога и Хорса. Тем не менее, солнечных божеств у славян было больше, что свидетельствует о том, что солнцу они отдавали предпочтение перед всеми другими явлениями природы.

Как здесь не согласиться с нашими предками? Действительно, без солнца наша планета так и осталась бы мёртвым телом – без жизни, без души, без творчества. Солнечные божества, вместе с тем, имели у славян и некоторые специфические черты. Это позволяет нам говорить о них как о разных божествах.

Сварога можно охарактеризовать не только как бога Солнца, но и как бога Культуры. Вот как о нём пишут Т. А. Волошина и С. Н. Астапов: «Итак, Сварог в славянской мифологии – бог небесного огня и одновременно податель культурных благ. Согласно верованиям славян Сварог первый начал ковать железо и научил этому людей, сбросив им с неба клещи; установил законы моногамной семьи; сделал первый плуг и научил людей плужному земледелию; победил змея; построил мощные укрепления – Змиевы валы» (там же. С. 92). В Средние века Сварог был заменен святыми Кузьмой и Демьяном. Они известны славянам прежде всего как покровители семьи и кузнечного дела (*Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 547*).

Сварог – не просто олицетворение небесного огня (солнца), он и его творец, создатель, демиург. Согласно легенде, опубликованной в первом томе трёхтомной книги А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1865), были времена, когда солнца ещё не было. На земле стояла полутьма. Сварогу в связи с этим было трудно наблюдать за людьми. Он нашел выход – вынул из-за пазухи огромное небесное светило – солнце, которое своими лучами стало освещать людские дела.

Сварожич и Дажьбог – дети Сварога. Оба они – боги солнечного света, солнечных лучей. Дажьбога часто сравнивают с древнегреческим Аполлоном. По славянским поверьям, Дажьбог живёт далеко на востоке, где вообще не бывает зимы. Рано утром он выезжает на своей колеснице, запряженной огнедышащими белыми конями, из своего золотого дворца и освещает солнечными лучами землю в течение дня. У него есть две сестры – Утренняя Заря и Вечерняя Заря. Первая утром запрягает белыми конями его колесницу а другая распрягает её вечером и заводит их в небесную конюшню на ночь.

Если Сварог – бог небесного огня, то его сын Сварожич – бог земного огня. Особым почетом у славян пользовался огонь под овином (овинный огонь). Овин – это место, где разжигался огонь для сушки снопов перед молотбой. Сварожич, таким образом, был близок в первую очередь славянским земледельцам. Перед овинным огнем они возносили хвалу Сварожичу, обращались к нему с молитвами и приносили ему жертвы.

Итак, Сварог – бог небесного огня, Сварожич – бог земного огня и Дажьбог – бог солнечного света, а каким же богом был Хорс? Богом солнечного диска (круга). Его образ часто представлялся славянам в виде белого коня, бегущего по небосклону с востока на запад. Конь – священное животное у славян. Они верили, что именно кони позволяют связать в единое целое весь мир – небо и землю, богов и людей.

Род

Восточнославянского Рода по традиции называют богом плодородия, однако, исследования Б. А. Рыбакова – самого авторитетного специалиста в области славянского религиоведения – должны, наконец, указать нам на подлинное место Рода в славянском пантеоне.

Б. А. Рыбаков в основном опирался на три источника – «Слово об идолах», «Слово Исайи-пророка» и «О вдуновении духа в человека». Два первых датируются XII веком, а последний – рубежом XV–XVI вв. В этих источниках Род обычно упоминается вместе с двумя рожаницами – хозяйками мира, богинями рождения.

Автор первого из названных источников определяет Рода как предшественника Перуна, который, очевидно, до своего верховенства в славянском пантеоне был богом войны. Отсюда легко сделать вывод о том, что до Перуна у славян верховным богом был тот, которого восточные славяне называли Родом, а западные – Святовитом. Вот почему в «Слове об идолах» Род ставится на один уровень с Озирисом – верховным богом древних египтян.

Автор второго из указанных источников восклицал: «Вы же бесовскими песнопениями славите идолов Рода и рожаниц и губите пророчества книг» (*Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 446*). В этом тексте Род ставится в один ряд с Яхве (Саваофом) и Христом, что вновь свидетельствует о верховной масштабности Рода.

В третьем источнике Род ставится на один уровень снова с библейским Богом-творцом. Автор этого текста пишет: «Всем бог есть творец Бог, а не Род» (там же. С. 449).

Подобные свидетельства позволили Б. А. Рыбакову сделать следующий вывод: «Род оказывается всеобъемлющим божеством Вселенной со всеми её мирами: верхним, небесным, откуда идёт дождь и летят молнии, средним миром природы и рождения и нижним с его "огненным родством". Тогда становится понятным противопоставление Рода христианскому богу Вселенной Саваофу. Этот взгляд на Рода закрепляется данными, получаемыми из ранних переводов, где книга Бытия, в которой повествуется о сотворении мира, именуется "Родство", а бог – творец – "рододелатель"» (там же. С. 453).

Неутомимая борьба христианских церковников с культом Рода у славян привела их к почти полному его забвению. Эта борьба привела, по мнению Б. А. Рыбакова, к следующей цепочке трансформаций образа Рода-Святовита у славян: Род – Стрибог (бог неба) – Дажьбог (бог солнца) – Переплут (бог подземного царства) – Свет – Христос.

Культ Рода, в конечном счете, сменился культом Христа. Сам факт подобной замены подтверждает главенство Рода-Святовита в славянском божественном пантеоне до Стрибога и до Перуна. Этот факт свидетельствует также и о том, почему культ Рода с таким ожесточением искоренялся христианскими богословами из языческого сознания древних славян: Род был конкурентом библейского Бога, а также христианского Бога Иисуса Христа.

Велес

Б. В. Аничков называл Велеса богом торговли и культуры. Он писал: «Бог торговли оказывался и богом вообще культуры, отчего Велес представлялся в XII в. книжникам родоначальником всей древней культуры и искусства, в частности, и песнетворчества» (*Аничков Б. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 339*).

Велес относится к числу древнейших славянских богов. Вот почему его функциональная природа со временем менялась. Первоначально, по мнению Б. А. Рыбакова, он воспринимался как дух убитых на охоте животных, а позднее он получил свою ведущую, животноводческую, функцию. Вот почему чаще всего в старых летописях он фигурирует как «скотий бог», бог крупного скота и животноводства вообще.

Велес постепенно трансформировался у славян в христианского святого Власия. Последнему передались и основные черты языческого бога. В житии св. Власия говорится о том, что он был пастухом, который однажды совершил чудо: заставил волка возвратить бедной вдове похищенного у неё поросенка. Неслучайно, по свидетельству В. Даля, Власьев день (11 февраля ст. ст.) русские крестьяне называли коровьим праздником и кормили в этот день своих коров хлебом. В этот же день обычно рядились в звериные маски и вывороченные тулупы.

Ярило, Лада, Лель

Ярило – мужское, а Лада и Лель – женские божества плодородия (земледелия).

Ярило – олицетворение весны, приносящей растениям пробуждение от зимней спячки. Ярилин день отмечали в начале весны и в её конце. В первом случае он представлялся молодым юношей на белом коне в белой одежде и босой, а во втором – дряхлым стариком, символизирующим окончание весны.

Б. А. Рыбаков высказал предположение о том, что Лада и Лель (Леля) – это те самые хозяйки мира, которые упоминались рядом с Родом. Позднее они получили и другие функции. Ладу считают матерью Лели. Первую называют то богиней брака и веселья, то богиней любви и красоты, то богиней плодородия. Т. А. Волошина и С. Н. Астапова считают, что Ярило и Лада – разнополюсные ипостаси весенних растительных сил. Лелю же называют богиней молодой весенней зелени.

Мокошь и Симаргл

Мокошь – единственное женское божество, оказавшееся во владимирском капище. Она – богиня любви и рукоделия. Христианским воплощением Мокоши стала Параскева Пятница. Пятница у славян считалась мокошиным днём, и Параскева, жившая в III в., всегда чтит этот день, поскольку именно в пятницу распяли Христа.

Симаргл (Переплут) обычно сопровождал Мокошь. Это божество растительности, охранитель семян и молодых побегов. Он имел облик крылатого пса. Считают, что это божество заимствовано из иранской мифологии.

Земля

Земля – обитель, по славянским поверьям, не только людей, но и низших духов – упырей, полевиков, русалок, кикимор, виев и др. Особенной известностью пользовались домовые, лешие и водяные. Об их принадлежности к низшим мифологическим персонажам свидетельствует тот факт, что они – мертвяки, т. е. люди, умершие неестественной смертью.

Один старик рассказывал: «Як вмире чоловік своєю смертю, то иде або на небо, – в рай, або в пекло, до чërта. А хто повиситься, або втопиться, той на небо неїде, а ходити собі по землі... Бо його Бог не кличе, то він и ходити, поки не прийде йому час...» (Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. С. 5).

Где живут мертвяки? Во всех нечистых местах – в болотах, в трущобах и т. д. Все они на службе у чërта, а некоторые дослуживаются до леших, водяных и т. п. «чинов».

Один Леший рассказывал: «Я такой же человек, как и все люди, но на мне креста нет, я проклят, меня мать прокляла» (там же. С. 7). На службе у чертей находятся и русалки. Вот как о них рассказывал одесский протоиерей Соколов: «Особы женского пола. Ходят голые. Тело белое, как снег. Лицо светлое, как восходящая луна... Девочек и молодых женщин не любят, но мужчин с хохотом окружают, рвут одежды, пока совершенно не сделают голыми.

Потом сзади хватают под мышки, щекотаньем приводят их в хохот и щекочут до тех пор, пока они не падают в обморок. Тогда, осыпая их поцелуями, берут на руки и невидимками приносят в дом и полагают на их постели, а женатого – к жене под бок» (там же. С. 116).

Домовой

Домовой – покровитель дома. Его называли также хозяином, дедушкой, сысоем, кормильцем, карнаухим и т. д. Место его жительства представлялось по-разному: то под печкой, то под порогом, то в подполье, то на чердаке, то в печной трубе и т. д. Домовой помогает трудолюбивым хозяевам и наказывает ленивых и распутных. Внешне его обычно представляли в виде маленького старичка, а иногда и в облике умершего или живущего хозяина дома. Но, по поверьям, он может превращаться в кошку, корову и других животных. У него может быть злая жена – Кикимора.

Леший

Это дух леса. Он живёт обычно в густой лесной чаще. Лесное эхо – это отклик лешего. Внешне он похож на человека, но, вместе с тем, и имеет отличительные признаки – острые зубы, острую голову, острую бороду, один глаз, перевёрнутую на одной ноге ступню – пяткой вперёд и др. Иногда ему приписывают копыта, рога и звериные шкуры. Он может также быть оборотнем. Леший не столько вредит человеку, сколько над ним потешается, но если его рассердит, он способен и погубить его.

Водяной

Это дух воды. В России его также называли водяным дедушкой, водяным шутом, водяным чёртом, омутником и т. д. Злых качеств ему приписывают больше, чем добрых, поскольку он, по поверьям, топит людей в воде, чтобы сделать из них своих рабов. Водяной – владыка всех утопленников. У него большая борода, зелёные усы, чешуйчатая кожа. Он может превращаться в рыбу, лягушку и т. п. существ.

Подземное царство

Подземное царство у славян подобно земному, но у него есть важная особенность – перевёрнутость. Что это значит?

У Б. А. Успенского читаем: «...на том свете правое и левое, верх и низ, переднее и заднее и т. п. меняются местами, т. е. правому здесь соответствует левое там, солнце движется в загробном мире с запада на восток, реки текут в обратном направлении, когда здесь день, там ночь, когда здесь зима, там лето и т. д. и т. п.: оба мира – посюсторонний и потусторонний – как бы видят друг друга в зеркальном отображении» (Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 1. М., 1994. С. 321).

* * *

Как ни вытравливали христианские церковники славянскую мифологию из сознания русского народа, его исконные языческие представления всё-таки сохранились в некоторых наших пословицах и поговорках. Увы, до нас дошли только крохи. Такие, например:

Домовой тешитя, леший заводит, а водяной топит; Леший пошутит – домой не пустит; водяной пошутит – утопит; Дом домом, а домовой даром; Домовой лешему ворог;

*Леший обошёл; Лес без лешего не стоит; В лесу жить – лешим слыть; Кричит, как леший;
В лесу леший, а дома мачеха; Лешак тебя возьми.*

2. Русская пословичная картина мира

Русская пословичная картина мира имеет древние истоки.

У Н. Н. Целищева читаем: «Пословицы и поговорки русского народа имеют многовековую историю. Уже в Древней Руси их находим в народных преданиях и в летописях. Так, новгородский князь Александр Ярославич, разгромивший шведов на реке Неве 15 июля 1240 г., перед сражением с иноземными захватчиками, ободряя свою дружину, говорил: *"Не в силе бог, а в правде"*. Этот факт известен из летописи "Житие Александра Невского" (XIII в.). Кладзем народной мудрости является "Слово Даниила Заточника", адресованное князю Ярославу Владимировичу (XII в.). "Слово" целиком состоит из советов князю, выраженных в пословицах, поговорках, изречениях. Многие из них актуальны и сейчас. Вот некоторые из таких изречений: *"Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь закаляет железо, но поддувание мехами"*; так и *"князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаюсь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишен будет"*. *"Кому любово, а мне горе лютое"*. *"Кому Лаче-озеро, а мне, на нём живя, плач горький"*. *"Злато плавится огнём, а человек напастями"*. *"Моль одежду ест, а печаль – человека"*. *"Как в дырявые меха лить, так и глупого учить"*. *"Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое и разорение дому"*... Наиболее известные изречения того времени содержались в сборнике "Пчела", в Ипатьевской летописи и др.

Например, изречения из "Пчелы": *"Копавший яму под ближним своим упадёт в неё"*. *"Лучше малое имущество, добытое правдой, чем многое богатство без правды"*. *"Принимающему большую власть подобает большой ум иметь"*. *"Завидуй не тому, кто большой власти добился, а тому, кто хорошо и с похвалой покинул ее"*. *"Большое богатство глупым детям не приносит пользы"*. *"Не следует сыпать жемчуг перед свиньями"*. *"Ни быстро упущенной птицы не можешь опять поймать, ни слова, вылетевшего из уст, не можешь вернуть"*. *"Следует дважды слушать, а один раз сказать"*.

Из "Ипатьевской летописи": *"Не место украшает человека, а человек место"*. *"Когда Бог хочет наказать человека, то лишает его разума"*. *"Лучше на родине костями лечь, чем на чужбине быть в почёте"*. *"Один камень много горшков перебьёт"*. *"Не поморив пчёл, мёду не есть"*. *"Война без мёртвых не бывает"*» (Целищев Н. Н. Сокровищница народной мудрости (пословицы и поговорки): <http://elibrary.ru/item.asp?id=21987350>).

Первый сборник русских пословиц и поговорок появился в России в конце XVII в. Он называется «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту». В нём собрано 2 500 пословиц и поговорок. Он был анонимным и рукописным. Его автор убеждал своих читателей в том, что пословицы «зело потребны и полезны» (Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. С. 43).

Первые печатные сборники русских пословиц и поговорок у нас появляются во второй половине XVIII в. Среди их собирателей оказалась Екатерина II. В 1782 г. она издала сборник «Выборные российские пословицы». Название красноречивое! Императрица выбрала для своего сборника пословицы, выгодные для господ (такую, например, *Милость – хранитель государства*). С подобной классовой позиции отбирал пословицы в свой сборник «Русские пословицы» (1785) и И. Ф. Богданович.

Екатерина II и И. Ф. Богданович положили начало той тенденции в русской паремии, которую В. П. Аникин назвал *антинародной*. В XIX в. она была продолжена в какой-то мере в сборнике «Русские пословицы и поговорки» (1854) Ф. И. Буслаева, а в начале XX в. – в сборниках «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» (1915) И. И. Иллустрова и «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках, приметах» (1901–1905) А. С. Ермолова.

Начало *народной* тенденции в русской паремиологии положили во второй половине XVIII в. Н. Курганов и А. А. Барсов. Первый опубликовал 908 пословиц, а второй – 4291. В эту тенденцию в целом вписываются два выдающихся сборника русских пословиц И. М. Снегирёва – «Русские народные пословицы и притчи» (1848) и «Новый сборник русских пословиц и притч» (1857). В них собрано 10 500 пословиц и поговорок.

В предисловии к первому сборнику И. М. Снегирёв пишет: «Кажется, нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов всеми её проявлениями, как в пословицах, в кои облакаются его дух, ум и характер. Летучее слово, проникнутое и одухотворённое живущею мыслью, получает самобытность и вековечность. Всё минётся, одна правда остаётся» (*Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 2014. С.16: http://www.rusinst.ru/docs/books/I.M.Snegirev-Russkie_narodnye_poslovicy_i_pritchi.pdf*).

Вот какие пословицы мы можем прочесть у И. М. Снегирёва об учении:

Ученье – атаман, а неученье – комар; Ученье – красота, а неученье – сухота; Ученье в счастье украшает, а при несчастье утешает; Ученье лучшие богатства; Ученья корень горек, да плод сладок; Учёного учить – лишь портить.

О безумном:

Безумен с учёным не пирует; Безумен учения не любит; Безумье и на мудрого бывает; Безумен рад, видя друга при напасти; Безумного человека волей не научишь.

О добре:

Добро твори, сколько можешь, от того вовек не изнеможешь! Доброго чти, а злого не жалей! Доброе сердце лучше хорошего кафтана; Добрая власть свободе не противна; Добрая голова сто голов кормит; Доброй друг лучше ста родственников; Добрая слава лучше богатства; Добрая совесть злему ненавистна; Добрая совесть не боится клевет; Добродетель всего дороже; Добродетель похваляй, а и сам доброе размышляй! Добродетель преодолевает силу; Добродетель не в словах, а в честных делах; Добродетельного монарха весь свет любит.

Со словом живи:

Живи беспорочно, так не будет тошно! Живи в тиши, а к нам грамотки пиши! Живи, да дрожи! Живи, да не тужи! Живи и жить давай другим! Живи не ложью, все будет по Божью! Живи, не скупися, да с друзьями веселися! Живи не так, как хочется, а как Бог велит; Живи, ни о чём не тужи! А всё проживёшь, живи ни шатко, ни валко, ни на сторону! Живи просто, проживёшь лет со сто! Живи смиреннее, так всем будешь милее.

О бабе:

Баба вертится задом, передом, а дело идёт чередом; Баба гнев держит на торг, а торг того не ведаёт; Баба грешит, а деду грехи; Баба пляшет, себя красит; Баба прядёт, а Бог ей нити даёт; Баба пьяна, а суд свой помнит; Баба – дура; Баба с воза, кобыле легче; Баба едет, хочет башню сбить, а воевода глядит, куда башня полетит; Бабы вранья и на свинье не объедешь; Бабушка пеняет, что от дедушки воняет, а от самой недохнешь.

О жене:

Женою доброю и муж честен; Жену понять, на свата не пенять; Жену хорошую взять, многие станут знать, а худую нельзя и в люди показать; Жену любить, что душу, а бить, что шубу; Жену хоть лозою, а она над тобою с грозою; Женушка душка любит мягкую подушку; Жёнушка душка, любишь ли ты плеть? Бей жену к обеду, а к ужину опять; Жены стыдиться, детей не ждать (не видать); Жене спускать, то в мошине искать; Женою и Адам из рая изгнан.

О правде:

Правда глаза колет; Правда избавляет от смерти; Правда ныне изгнанна; Правда старше старосты; Правда та свята, на небо взята; Правда ходит в лаптях, а неправда в

кривых сапогах; Правда шутки не любит; Правдивая рука всегда правдою живёт; Правдому мужу лукавство не под нужу.

О слове:

Слово во время и кстати сильнее письма и печати; Слово не стрела, да пуще стрелы! Слово давать и слово держать должно быть одно и то же; Слово – закон, держись за него, как за кол! Слово насилиу молвит, как будто язык киселём кормит.

Мы видим, что многие из этих пословиц дошли до нашего времени. Сохранились и такие:

Не было печали, черти накачали; Не выноси из избы сору, так меньше вздору! Не дай Бог с дураком связаться! Не держи сто рублей, держи сто друзей! Первой блин, да комом; Остатки сладки; Не знаешь, где найти, где потерять; Не поймав медведя, не продают шкуры; И на старуху бывает проруха и мн. др.

Эти пословицы и множество других были опубликованы И. М. Снегирёвым в середине XIX в., но многие из них пришли в него из предшествующих веков. Из XIX в. они перешли в XX и XXI. Вот где она, связь времён! Вот где он, русский дух! Через пословицы одни поколения русских людей передавали этот дух другим. Тем самым пословицы вносили в его формирование и укрепление неоспоримую лепту и существенным образом влияли на сознание национального единства у их носителей. Они продолжают это делать и в наше время.

Иван Михайлович Снегирёв (1793–1868) – весьма заметная фигура в русской культуре. В 1814 г. он окончил словесное отделение Московского университета, в котором проработал 20 лет. С 1826 г. он его профессор. Кроме того, он занимал другие важные должности – цензора (через него прошли в печать, в частности, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Мёртвые души» Н. В. Гоголя), библиотекаря Общества любителей русской словесности, руководителя реставрационными работами в Московском Кремле. С 1854 г. он член-корреспондент Петербургской Академии наук.

Диапазон научных интересов И. М. Снегирёва был очень широк. Он изучал русскую историю, был этнографом, искусствоведом, языковедом и фольклористом. Он прославился не только как составитель двух сборников русских пословиц, но и как первый паремиолог-теоретик. В этом качестве он издал книгу – «Опыт рассуждения о русских пословицах» (1823) и четырёхтомник «Русские в своих пословицах» (1831–1834). Он положил начало в этих трудах теоретическому осмыслению жанровой природы пословиц, изучению их происхождения и проанализировал в них огромное число пословиц и поговорок. Его можно смело назвать основателем русской паремиологической науки.

Другим её основателем стал Владимир Иванович Даль (1801–1872). Он встречался с И. М. Снегирёвым. В отличие от последнего, В. И. Даль не был профессиональным учёным. Сын врача датского происхождения, он начинал свою взрослую жизнь как морской офицер. Но в 25-летнем возрасте решил пойти по стопам отца и, окончив медицинский факультет Дерптского (Тартуского) университета, стал хирургом. В должности военного врача он работал до 1833 г. С этого года вплоть до 1859 г. он занимал различные чиновничьи должности в Оренбурге, Петербурге и Нижнем Новгороде. Свои последние годы он жил в Москве.

Такой была, так сказать, послужная жизнь В. И. Даля, но у него была ещё и другая жизнь, более увлекательная, – жизнь автора словаря «Пословицы русского народа» (1862) и «Толкового словаря живого великорусского языка» (1866). Материалы к этим словарям он собирал всю жизнь. Низкий ему поклон за его титанический труд! В первом из этих словарей по тематическим группам разбито 30 000 пословиц и поговорок.

В. И. Даль подчёркивал народные истоки русских пословиц и поговорок. В предисловии к своему сборнику пословиц он писал «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещённом обществе посло-

вицы нет; попадают слабые, искалеченные отголоски их, переложенные на наши нравы или испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков» (Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля в трёх томах. Т. 1. М., 1993. С. 10).

Труд В. И. Даля был продолжен многочисленными составителями других словарей пословиц и поговорок. В моей личной библиотеке имеются такие:

- Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / Сост. В. П. Аникин. М., 1957.
- 7000 золотых пословиц и поговорок / Сост. С. М. Ковалёва, 2009.
- Русские пословицы и поговорки / Сост. К. Г. Берсенёва М., 2009.
- 20000 русских пословиц и поговорок / Сост. Л. М. Михайлова М., 2010.
- Большой словарь русских пословиц / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. М., 2010.
- Антипословицы русского народа / Сост. Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. М., 2010.
- Пословица недаром молвится; Нема приповідки без правди; A good maxim is never out of season; Proverbe ne peut mentir: более 5000 русских, украинских, английских и французских пословиц / Сост. Г. Н. Чусь. М., 2013.

К сожалению, ни в одном из этих сборников нет систематизации пословиц в соответствии с картиной мира. Цель этой книги – наметить путь к такой систематизации.

Пословицу В. И. Даль определял так: «Коротенькая притча; сама же она говорит, что "голая речь не пословица". Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» (Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля в трёх томах. Т. 1. М., 1993. С. 29).

От В. И. Даля идёт отграничение пословицы от поговорки. Последнюю он определял так: «Окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения... это первая половина пословицы» (там же. С. 31–32).

У В. И. Даля мы можем найти такие пословицы о пословицах:

Пословица недаром молвится; Пословица не на ветер молвится; Старинная пословица не мимо молвится; Старая пословица век не сломится; Без пословицы не проживёшь; Хороша пословица в лад да в масть; Добрая пословица не в бровь, а прямо в глаз; Поговорка – цветочек, пословица – ягодка; Пословица плодуща и живуща; От пословицы не уйдёшь; Пословицу и на кривой не объедешь; Пословицы ни обойти, ни объехать; Пословица ведётся, как изба веником метётся; На пословицу ни суда, ни расправы; Пословицами на базаре не торгуют; На рынке пословицы не купишь; Не всякая пословица при всяком молвится; Иная пословица не для Ивана Петровича; Не всякое слово пословица; Белый свет не околица, а пустая речь не пословица; И на твою спесь пословица есть и др.

Со времён В. И. Даля много воды утекло. В XX – нач. XXI вв. русская паремиология в той или иной мере оказывалась в поле научных интересов Е. Д. Поливанова, Б. А. Ларина, В. В. Виноградова, В. В. Гвоздева, В. П. Аникина, А. И. Молоткова, Н. М. Шанского, Е. М. Верещагина, В. П. Жукова, В. Г. Костомарова, В. Н. Телии, В. М. Мокиенко, В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохорова, М. Ю. Котовой, Б. И. Караджева и мн. др. (огромную библиографию по паремиологии см.: Котова М. Ю. Славянская паремиология. СПб.: 2004: <http://cheloveknauka.com/slavyanskaya-paremiologiya>).

Между тем далевское понимание пословицы как народной притчи в миниатюре по существу не изменилось. Разумеется, время внесло свои коррективы (см. множество определений пословиц на сайте <http://enc-dic.com/word/p/poslovica-9293.html>).

Патриарх отечественной фольклористики Владимир Прокопьевич Аникин (род. в 1924 г.) в «Большой советской энциклопедии» обращает внимание не только на нравствен-

ную (назидательную) сторону пословиц, но также на другие их особенности – художественные, языковые и т. д.

В. П. Аникин писал: «Пословица – краткое, ритмически организованное, устойчивое в речи, образное изречение народа. Обладает способностью к многозначному употреблению по принципу аналогии. Суждение *"Лес рубят – щепки летят"* интересно не прямым смыслом, а тем, что может быть применено к другим аналогичным ситуациям. Предмет высказывания рассматривается в свете общепризнанной истины, выраженной пословицей. Отсюда её идейно-эмоциональная характерность. Композиционное членение суждения в пословице, часто подкрепляемое ритмом, рифмой, ассонансами, аллитерациями, совпадает с синтаксическим».

Ю. Е. Прохоров даёт такое определение пословицы: «Пословица – устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, в котором зафиксирован практический опыт народа и его оценка определённых жизненных явлений. Выступает в речи, в отличие от поговорки, как самостоятельное суждение» (Прохоров Ю. Е. Пословица // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979. С. 219).

«Под пословицей, – пишет М. Ю. Котова в автореферате своей докторской диссертации, – понимается устойчивый словесный комплекс, имеющий синтаксическую структуру замкнутого предложения, обладающий афористичностью, прямым или переносным планом выражения, обозначающий ситуацию, содержащий нравоучительную сентенцию или философское обобщение и вошедший в язык как из фольклора, так и из других источников» (Котова М. Ю. Славянская паремнология. СПб.: 2004: <http://cheloveknauka.com/slavyanskaya-paremiologiya>).

Как видим, у пословиц есть свои формальные и содержательные особенности. В первом случае мы имеем дело с их языковым своеобразием, а во втором – с их отношением к внеязыковой действительности.

Языковое своеобразие у пословиц состоит прежде всего в том, что они представляют собою афористический текст, состоящий, как правило, из одного предложения. Эти предложения имеют те или иные формальные особенности. Среди этих особенностей обычно выделяют следующие – ритмичность, рифму, антитетичность, параллелизм, метафоричность и метонимичность.

Наличие ритма и рифмы сближают пословицы с поэзией. Как и стихи, пословицы подчиняются тому или иному ритму – ямбу, хорею и т. д. Кроме того, многие пословицы содержат рифму:

Эх-ма! Кабы денег тьма: купил бы деревеньку и жил бы по-маленьку; Ешь с голоду, а люби смолоду; Лежи на боку да гляди в Оку; Борода по колена, а дров ни полена; Куда сердце лежит, туда и око глядит; С тёмным человеком говорить, что в поле ветер ловить и т. п.

Пословицы могут иметь антитетическую структуру, т. е. содержать противопоставление (антитезу):

Лжесей много, а правда одна; Осень-то – матка: кисель да блины, а весна – мачеха: сиди да гляди; Хвали утро днём, а день – вечером; Сердце желает, а слов не хватает; Много хочешь – мало получишь и т. п.

Некоторые пословицы построены по модели, которая предполагает структурное подобие первой части предложения и второй. Такое подобие называется параллелизмом (изоморфизмом). Вот его примеры в пословицах:

Без углов дом не строится, без пословицы речь не молвится; День на день не приходится, час на час не выпадает; Брови чёрны – соболины, очи ясны – соколины; Девушка без любви что цветок без солнца; Гол – как лукошко, бос – как гусь и т. п.

Характерный признак пословицы – использование слов, употребляемых в ней, либо в прямом значении, либо в переносном. В первом случае она относится непосредственно к

тем предметам, которые в ней упоминаются, а во втором – к другим, которые чем-то похожи на упоминаемые в ней или связаны с ними.

Приведу примеры пословиц в прямом значении:

Землю созрело, не опоздай с посевом; Солнце пригреет – всё поспеет; Капуста любит воду да хорошую погоду; У хорошего хозяина нет плохой лошади; Из хорошей обезьяны не сделаешь и плохого человека и т. п.

Примеры пословиц, употребляемых в переносном значении:

В глубине всякой души есть своя змея; Свинья грязи найдёт; Собака собаке на хвост не наступит; Видно сокола по полёту, а добра молодца – по делам; У медведя десять песен и все про мёд и т. п.

В пословицах из первой группы речь идёт непосредственно о земле, солнце, капусте и т. д., а в пословицах из второй группы – не о змее как таковой, не о свинье как таковой и т. д., а о других предметах, чем-то похожих на змею, свинью и т. д.

Пословицы из второй группы используют слова *змея*, *собака* и т. д. в метафорическом смысле. Но есть и метонимические пословицы. Например:

Лень, лёжа на печи, замёрзла; Не суй свой нос не в своё дело; Картофель хлеб бережёт; Один с сошкой, а семеро с ложкой; Овёс к коню не ходит и т. п.

Слова *лень*, *нос*, *картофель* и т. д. в этих пословицах имеют не метафорический смысл, а метонимический. В отличие от метафоры, метонимия переносит слово с одного предмета на другой не по сходству этих предметов, а по их связи друг с другом. *Лень*, *нос*, *картофель* и т. д. связаны с людьми. Слова, которые в прямом смысле обозначают *лень*, *нос* и т. д., метонимически переносятся в этих пословицах на их владельцев.

Истолкование пословиц, употребляемых в переносном значении, в прямом смысле может приводить к курьёзам. Один из них В. И. Даль продемонстрировал на примере пословицы *Не выноси сор из избы*. Эта пословица, – иронизировал он, – «объявлена бессмыслицею, потому что нельзя же, хоть изредка, не выметать сору, и хороша-де будет изба, коли из неё никогда сору не выносить» (Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля в трёх томах. Т. 1. М., 1993. С. 14).

Пословицы, употребляемые в переносном значении, в какой-то степени сохраняют и прямое значение, хотя переносное значение в них и преобладает над прямым.

Возьмём, например, пословицу *Рыба гниёт с головы*. Под головой здесь имеется в виду власть. Между тем от ассоциации с прямым значением и в этом случае никуда не скрыться. Вот почему метафорические пословицы, как и метонимические, обладает двойственной смысловой природой.

Двойственная природа характерна для любой метафоры. Если мужчины называют любимых женщин словами *кисонька*, *рыбонька*, *ласточка*, *ланюшка* и т. п., то они имеют в виду, разумеется, не животных, а женщин, но ассоциации с соответствующими животными в какой-то мере сохраняются. Это делает метафорическое значение двойственным.

Подобным образом обстоит дело и с метафорическими пословицами: когда мы слышим пословицу *Рыба гниёт с головы* от ассоциации с рыбой никуда не уйдёшь, хотя в ней речь идёт вовсе не о рыбе, а о гнилом руководстве. Но из этой же пословицы можно извлечь и прямой смысл, поскольку рыба действительно гниёт с головы.

О двойственной смысловой природе пословиц, употребляемых в переносном смысле, писал В. И. Даль: «"Нужда научит калачи есть", как притча, истолкована была верно: нужда заставит работать, промыслить. "Голь мудрена, нужда на выдумки торовата" – она даст ума и, коли не было ржаного хлеба, доведёт до того, что будет и пшеничный. Но есть тут и прямой смысл: нужда домашняя заставит идти на заработки. "Промеж сохи и бороны не ухоронишься; ищи хлеб дома, а подати на стороне"; куда? Первое дело на Волгу, в бурлаки; это и поныне ещё статья, а до пароходства это был коренной, и притом разгульный, промысел

десяти губерний; на Волге же, миновав Самару приходишь на калач (булка, пирог, калач, пшеничный хлеб). Верховым бурлакам это в диковину, и они-то, отцы и деды нынешних, сложили эту пословицу» (там же. С. 14).

Подобные примеры свидетельствуют, с одной стороны, о том, что из пословиц с переносным значением следует не только переносный смысл, но в какой-то мере и прямой, а с другой стороны, о том, что переносное значение у пословиц формировалось на основе прямого.

Чаще всего пословицы употребляются в метафорическом смысле. Это говорит об их обобщающей силе, которая сформировалась в результате применения пословиц ко множеству подобных ситуаций. Их употребление по отношению к таким ситуациям в конечном счёте обогащало их смысл. Всё в большей и большей степени он вмещал в себя коллективный опыт. Однако далеко не все пословицы сохранились в народной памяти. Многие из них устарели, а другие навсегда канули в Лету. Сохранились актуальные. Они подытоживают для нас прошлый народный опыт.

Н. В. Гоголь писал в связи с этим: «Пословица не есть какое-нибудь вперёд поданное мнение или предположение о деле, но уже подведённый итог делу, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной» (*Гоголь Н. В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М., 1950. С. 146*).

Ритмическая организация, рифма, антитетичность, параллелизм, метафоричность и т. д. – формально-языковые особенности пословиц. Но если мы обратимся к их содержательным особенностям, то, кроме обобщённости, о которой я говорил выше, мы обнаружим, по крайней мере, ещё три их важнейших особенности – назидательность, ёмкость смысла и всеохватность.

Назидательность и смысловую ёмкость пословицы я хочу продемонстрировать на истолковании пословицы *Яйца курицу не учат* нашим великим критиком Дмитрием Ивановичем Писаревым (1840–1868). Ему понадобился довольно большой текст, чтобы проникнуть в назидательную и ёмкую глубину её смысла. При этом двадцатичетырёхлетний критик оценивает этот смысл с явной иронией, на её примере показывая нам, что пословицу, как и любое другое мудрое высказывание, нельзя превращать в абсолютную догму. Её справедливость имеет свои границы.

В очерке «Мотивы русской драмы» (1864), посвящённом анализу драмы А. Н. Островского «Гроза», Д. И. Писарев писал: «"Яйца курицу не учат", – говорит наш народ, и так эта поговорка ему по душе пришлась, что он твердит её с утра до вечера, словами и поступками, от моря и до моря. И передаёт он её потомству, как священное наследство, и благодарное потомство, пользуясь ею в свою очередь, созидает на ней величественное здание семейного чинопочитания. И поговорка эта не теряет своей силы, потому что она всегда употребляется кстати; а кстати, потому, что её употребляют только старшие члены семейства, которые не могут ошибаться, которые всегда оказываются правыми и которые, следовательно, всегда действуют благотворительно и рассуждают поучительно. Ты – яйцо бессознательное и должен пребывать в своей безответной невинности до тех пор, пока сам не сделаешься курицею. Таким образом пятидесятилетние куры рассуждают с тридцатилетними яйцами, которые с пелёнок выучились понимать и чувствовать всё, что так коротко и так величественно внушает им бессмертная поговорка. Великое изречение народной мудрости действительно выражает в четырёх словах весь принцип нашей семейной жизни. Принцип этот действует ещё с полною силою в тех слоях нашего народа, которые считаются чисто русскими» (*Писарев Д. И. Литературная критика в трёх томах. Т. 1. М., 1981. С. 337–338*).

Если мы обратимся не к отдельным пословицам, а ко всему пословичному дискурсу, то обнаружим его всеохватность. Она состоит в том, что в своей совокупности пословицы

охватывают все этажи мироздания – физическую природу, живую природу, психику и культуру. В своём единстве они составляют не что иное, как мир.

В пословицах отражена картина мира того или иного народа. Мы можем прочесть об этом ещё у К. Д. Ушинского. Он указывал, что в пословицах «отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляды на природу, на людей, на значения всех явлений жизни» (*Прохоров Ю. Е. Пословица // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979. С. 219*).

Возникает вопрос: к разновидностям какого типа картины мира следует относить пословичную картину мира?

В нашей науке сложился уверенный ответ на этот вопрос: пословичную картину мира следует относить к языковой картине мира. Такой ответ мы найдём в исследованиях пословичной картины мира у Т. Ф. Гришениковой, О. М. Казаковой, Г. Е. Исабековой, Н. А. Погребной, Н. М. Локтеоновой, С. Р. Сомоевой, Г. А. Форманюк и др.

Отнесение пословичной картины мира к языку имеет вполне резонную подоплёку: пословицы, подобно словам, хранятся в языковой памяти того или иного народа. Причём эта картина мира – плод обыденного познания, а языковая картина мира в целом есть не что иное, как представление о мире, сложившееся в обыденном сознании и закреплённое в языке того или иного народа.

Пословичную картину мира следует расценивать как особую разновидность языковой картины мира. При этом очень важно помнить, что языковая картина мира стала формироваться раньше других картин мира.

Преобразование австралопитеков (наших животных предков) в хабилисов (первых людей) началось в Восточной Африке 2,5 миллиона лет назад. С этого времени мы можем начинать отсчёт человеческой истории. Она шла по пути всё большего и большего очеловечения наших предков. Мерой этого очеловечения является культура. Иначе говоря, человек в той мере становится человеком, в какой ему удаётся усвоить и продолжить культуру, в которой ему довелось жить. Вот почему термины *эволюция человека* и *эволюция культуры* – синонимы (см. подр.: *Даниленко В. П. От животного – к человеку. Введение в эволюционную этику. СПб., 2015*).

Эволюция культуры началась со способности наших предков к орудийной и языковой деятельности. Игнорируя первую из них, В. Гумбольдт писал: «Язык тесно переплетается с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры. Но есть такая древность, в которой мы не видим на месте культуры ничего, кроме языка, и вместо того, чтобы просто сопутствовать духовному развитию, он замещает его» (*Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 48–49*).

В языке следует видеть тот фундамент, на котором формировались другие продукты духовной культуры. Мы можем сказать и иначе: религиозные, художественные, нравственные и прочие картины мира первоначально формировались на основе языковой картины мира.

Отпочковавшись от языка, религия, искусство, нравственность и т. д., вступили на путь самостоятельной эволюции. Отсюда не следует, что различные картины мира не взаимодействовали друг с другом. Они коэволюционировали друг с другом. Языковая картина мира, в частности, перерабатывала знания, полученные в религии, искусстве, нравственности, науке и т. д. Это имеет прямое отношение и к её части – пословичной картине мира.

Никто не сомневается в том, что пословицы рождались из житейского опыта. Нельзя, вместе с тем, возводить непроходимую стену между пословичной картиной мира и другими картинами мира.

Пословичная картина мира формировалась не только на основе житейского опыта, но и на стыке между всеми типами картины мира. На уровне обыденного сознания она объединяла в преобразованном виде религиозную, научную, нравственную и прочие картины мира. Её можно сравнить с философской картиной мира.

Если философская (общенаучная) картина мира объединяет и обобщает знания, достигнутые во всех частных науках (физике, биологии, психологии и культурологии) на уровне научного сознания (см. подр.: *Даниленко В. П.* От лжи – к истине. Введение в эволюционную философию. СПб., 2016), то пословичная картина мира объединяет и обобщает знания, накопленные тем или иным народом на уровне обыденного сознания.

Если философская картина мира отражает научное мировидение всего человечества, то пословичная картина мира – обыденное мировидение того или иного народа.

Пословичная картина мира, таким образом, – это обыденно-языковой аналог философской (общенаучной) картины мира.

2.1. Мир

Слово *мир* многозначно. Можно выделить у него три основных значения:

1. Отсутствие войны или ссоры:

Миру – мир; Свет побеждает тьму, мир победит войну; Народам нужен мир, а не военный мундир; Растения тянутся к свету, а народы – к миру; Цветам нужно солнце, а людям – мир; Тучам солнце не закрыть, мир войне не победить; Дружно за мир стоять – войне не бывать; Миллионы – за мир, миллионеры – за войну; Мира не ждут, мир завоёвывают; По войне всегда мир бывает; Кто сеет мир, пожинает счастье; Живя в мире, не забывай о войне; Всякая ссора красна миром; Худой мир лучше доброй ссоры; Соломенный мир лучше железной драки; При счастье бранятся, при беде мирятся; С кем мир да лад, так тот мил и брат; С людьми мирись, а с грехами бранись! Мир Вашему дому.

2. Человеческое сообщество, включая сельскую общину в дореволюционной России:

Соха да борона сами не богаты, а весь мир кормят; Плох овёс – наглотаешься слёз, не уродится рожь – по миру пойдешь; Пошёл пир горой, пир на весь мир; Миром и горы сдвинем; Мир не без добрых людей; С миру по нитке – голому рубаха; Сошёлся мир – хоть сейчас воевать; разошёлся мир – на полатах лежать; Казна миром живёт, и мир казноу; Мира никто не судит; Мира не перетянешь; Правда по миру ходит; На миру и смерть красна; С миром и беда не убыток; Мир что вода: пошумит и разойдётся; На весь мир не испечёшь блин; Мирская правда крепко стоит; Мирское дело одному не под силу; Мирская молва что морская волна; Мирская слава переменчива; На весь мир не будешь мил; На весь мир не угодишь.

3. Мир как мироздание:

На весь мир и солнышку не угреть; На весь мир ветру не увяять; В мире, что в омуте: ни дна, ни покрышки; В мире, что в море; В мире всего много, как в море воды; Мир дунет – ветер будет, мир плюнет – море будет, мир охнет – лес сохнет; Мир заревёт, так леса застонут; В мире не одни двери; Гвоздь держит подкову, подкова держит лошадь, лошадь держит человека, а человек – весь мир; В мире жить – миру служить; В мире жить – с миром жить; В мире вся суть!

Третье значение является всеохватным. Пословицу *В мире вся суть* можно истолковать двояко:

1) источник истины ищи в объективной действительности, а не в своей голове;

2) вся суть человека – в его точке зрения на мир, в его мировоззрении. В этом смысле эту пословицу можно отнести не только к мировидению отдельного человека, но и к мирозерцанию того или иного народа, а в конечном счёте – всего человечества.

В своём всеохватном значении слово *мир* обозначает весь универсум, всё мироздание, вселенную. В идеале мы имеем дело в данном случае со всем сущим, со всем бытием. Во всяком случае, в рубрике *Мир* необходимо обнаружить пословицы, авторы которых пытались увидеть мир с космической (божественной) высоты, чтобы иметь о нём целостное представление.

Подобные пословицы В. И. Даль поместил в рубрику *Вселенная*. Как и следовало ожидать, пословицы, входящие в эту рубрику, как правило, имеют мифологизированную форму. Они навеяны мифологией либо библейской, либо исконно языческой.

Со стороны «Библии» на мир смотрели авторы таких пословиц:

Мудрено сотворено; Премудры дела твои, господи; Небо – престол Бога, земля – подножие; Небо – риза господня, небеса – престол его, земля – подножие; Небо – терем Божий, звёзды – окна, откуда ангелы смотрят.

В какой-то мере в пословицах отражено и стремление к делению мира на части. Так, мы можем найти такие народные изречения, где речь идёт о мире звёзд, который поделён на семь поясов:

На семи поясах Бог поставил звёздное течение; На 1-м поясе – небесные ангелы, на 2-м – архангелы, на 3-м – начала, на 4-м – власти, на 5-м – силы, на 6-м – господства, на 7-м – херувимы, серафимы и многочестия.

О солнце наши предки судили с великим почтением: *Солнце – князь земли, луна – княжна. Но луне иногда доставались и такие укоры: Что это за месяц? Когда светит, а когда нет; Светит, да не греет; только напрасно у Бога хлеб ест.*

В пословицы о земле врывалась языческая стихия:

Земля на трёх китах (рыбах) стоит; Кит-рыба под землей дрожит (о землетрясении).

В картине природы выделялось главное:

Иерусалим есть пуп земли; Всем рекам река Ерат (Евфрат); Всем горам гора Авор (Фавор); Всем древам древо кипарис; Лев зверь всем зверям царь; Всем птицам птица орёл.

А где же человек? Ему отводится в этом мире подобающее место – на земле: *Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля; Велики ли его возможности? Бог – что захочет, человек – что сможет.*

Хоть и велика роль Бога в русской пословичной картине мира, центральное место в ней занимает не Бог, а человек. Наш пословичный мир не теоцентричен (*θεο* по-гречески – бог), а антропоцентричен (*ἄνθρωπος* по-гречески – человек). В конечном счёте не Бог, а Человек всех тварей есть владыка.

На протяжении всей своей жизни мы крутимся, как белка в колесе, между добрым отношением к людям и злым. А. А. Блок выразил эту мысль очень обобщённо:

*И отворачивание от жизни,
И к ней безумная любовь.*

То мы от людей в восторге, а то вслед за пушкинским Онегиным глубокомысленно заключаем:

*Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей.*

Двойственное отношение к людям выражено и в русских пословицах.

Тезис:

Человек – венец природы; Все мы люди, все человеки; Что ни человек, то и я; Человек к человеку жмётся; Человек человеком держится, как дерево – корнем; Человек человеку пригожается; Без правды люди не живут, а только маятся; И в бедах люди живут, а в неправде пропадают; Люди живут для любви; Терпя, в люди выходят; Душа душу знает; Душа с душой беседует; Сердце сердцу весть подаёт; Сердце чует (слышит); У сердца уши есть; Живём богато – со двора покато: чего не хватись, за всем в люди покатись; Везде хорошо, где есть добрые люди; Хоть он и свинья (и скотина), а всё-таки человек; В людях жить – людское творить; В людях жить – человеком и слыть; В людях жить – человеком умереть.

Антитезис:

Чужая душа – тёмный лес; Чужая душа – потёмки; В чужую душу не влезешь; За чужую душу одна сваха божится да цыган; Чужие люди – дремучий лес; Чужая совесть – могила; В сердцах иных людей всегда сумерки; В сердце нет окна; Как в кремне огонь не

виден, так в человеке душа; Речи слышим, а сердца не видим; Язык видим, речи слышим, а сердца не видим, не слышим; Человека видим, а души (ума) не видим; Людей-то много, да человека нет; Много народу, да мало людей; На нём клейма нет, не узнаешь; У него паспорт на лбу не прописан; Злой не верит, что есть добрые люди; В тесноте живут люди, а в обиде гибнут; Не только яд губит человека, есть и человек как яд; И враньем люди живут; От иного человека холодом несёт; От живого человека добра не жди, а от мёртвого подавно; Всяк человек ложь – и я тож.

Синтезис;

Все мы по пояс люди (т. е. наполовину люди, а наполовину скоты). Fifty-fifty.

Этот синтезис – предварительная модель человека вообще. Если средний человек, по этой пословице, наполовину человек, а наполовину животное, то в том человеке, с которым нас свела жизнь, надо на равных предполагать то и другое. С конкретным человеком мы должны себя вести осторожно, чтобы со временем узнать, чего в нём больше – человека или животного. Эта пословица ориентирует нас на познавательное отношение к человеку.

Синтезис о конкретном человеке может быть таким:

Ни богу свечка, ни чёрту кочерга; Ни то ни сё; Издали и так и сяк, а вблизи ни то ни сё; Ни рыба ни мясо; Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса; Ни бе ни ме ни кукареку; Ни себе ни людям; Не то рыба, не то птица; Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан; Ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец; Ни рожки, ни кожи, ни виденья; Ни шит, ни распорот; Ни в пир, ни в мир, ни в люди; От него плоду, что от камня мёду; От этого человека, как от козла, ни шерсти, ни молока.

Нет рецепта на одинаковое отношение ко всем людям. Истина всегда конкретна. Каждого нужно узнавать индивидуально. При этом не спешить с выводами:

Человек человеку розь; Человек – не орех: сразу не раскусишь; Человек не всегда таков, каким с виду кажется; Все люди, да всякий человек по себе; Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть; Человека узнаешь, когда с ним пуд соли ложкой расхлебашь; Человека узнаешь, когда из семи печек с ним щи похлебашь; В чужой душе – не вода в ковше: не разглядишь сразу; Нет таких трав, чтоб знать чужой нрав; Человек что замок: к каждому нужно ключик подобрать; Рысь пестра сверху, а человек лукав изнутри; Человек – не ангел; Человек познаётся в труде; Гляди не на человека, а на его дела; Каковы веки, таковы и человеки; Человек не тот, от которого плачут, а тот, о котором плачут.

2.1.1. Беспорядок и порядок

Весь мир скрепляют всеобщие (универсальные) категории – время и пространство, начало и конец, покой и движение, явление и сущность, качество и количество, причина и следствие и т. п. В философии они систематизируются в категориальную картину мира (См. подр.: Даниленко В. П. От лжи – к истине. Введение в эволюционную философию. СПб.: Алетейя, 2016. 440 с).

О подобной картине мира по отношению к пословицам говорить не приходится. Однако некоторые всеобщие категории в них имеются. Правда, извлекать подобные категории из пословиц порой нелегко, поскольку они, как правило, спрятаны за образную форму их выражения.

Естественно, что авторы русских пословиц отдавали предпочтение таким всеобщим категориям, которые имели для их жизни наибольшее практическое значение. К таким категориям в первую очередь относятся категории беспорядка и порядка.

Категории беспорядка (хаоса) и порядка (гармонии) являются универсальными. Они охватывают собою весь мир. Всё мироздание, с эволюционной точки зрения, движется от

беспорядка к порядку. Хаос в таком случае расценивается как исходный пункт мировой эволюции, а гармония – как её эволюционный идеал.

В. Т. Мещеряков писал: «Гармония есть такое состояние конкретных систем, которое достигается лишь в процессе гармонического развития, когда пространственно-временная целостность и высокий динамизм как его важнейшие характеристики обеспечиваются взаимосвязью симметрии и ритма. В свою очередь важнейшей особенностью гармонического развития является такое движение к более совершенному новому, когда даже по окончании системой своего существования накопленные ею достижения не пропадают, а становятся достоянием системы, идущей на смену первой» (Мещеряков В. Т. Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско-ленинской философии. М., 1981. С. 202).

Об универсальной широте обсуждаемых слов свидетельствуют их синонимические ряды. Синонимы к ним применимы к самым разнообразным явлениям – от природных до культурных.

Беспорядок (хаос, дисгармония) – *авгиевы конюшни, ад кромешный, анархия, базар, бардак, бедлам, безалаберщина, беспредел, беспутница, бестолковищина, бестолочь, брожение, буза, вакханалия, всё вверх дном, всё вверх ногами, всё вверх тормашками, дурдом, дым коромыслом, ералаш, заваруха, замешательство, кабак, кавардак, как мамай прошёл, катавасия, каша, кипиш, кутерьма, мамоево побоище, непорядок, неразбериха, нескладица, несогласованность, неурядица, передряга, переполох, путаница, развал, разгром, разногласие, разноголосица, разор, разруха, расстройство, сам чёрт ногу сломит, светопреставление, свистопляска, смута, смятение, содом и гомора, сумасшедший дом, суматоха, сумбур, смятица, сутолока, тарарам, чехарда и др.*

Порядок (гармония) – *ажур, благодать, благоустройство, благочиние, икебана, лад, марафет, налаженность, норма, последовательность, построение, обычай, расписание, расположение, распорядок, распределение, расстановка, система, совершенство, согласованность, сочетание, строй, уклад, устройство, ход, черёд и т. п.*

Своим путём от беспорядка к порядку идут религия и наука, искусство и нравственность, политика и язык и т. д. (см. подр.: Даниленко В. П. Смысл жизни. М.: Флинта: Наука, 2012). На этот путь направляют нас и русские пословицы.

Пословицы о беспорядке:

Беспорядочный человек не проживёт в добре век; От беспорядка всякое дело шатко; От порядка малые дела растут, а от беспорядка даже большие расстраиваются; Что за порядок – огород без грядок? Горе тому, у кого беспорядки в дому; У семи нянек дитя без глазу; Вали валом – после разберём; Всё в порядке: сани в Казани, хомут на базаре; В огороде бузина, а в Киеве дядька; От беспорядка и большая рать погибает; В нашем полку нет толку: кто раньше встал да палку взял, тот и капрал; Излишние порядки те же беспорядки; Где для одного простого дела заведено сто порядков, там не всё гладко.

Пословицы о порядке:

На всё есть свой порядок; Порядок – сила; Порядок – сила: бережёт время; Порядок бережёт время; Порядок – душа всякого дела; Порядок города держит; Огурец – и тот порядок любит; Коли порядка нет – и за столом с пустой ложкой останешься; Порядком стоит дом, непорядком – содом; Что на месте лежит, то само в руки бежит; Порядок дела не портит; Где порядок, тамудача; От порядка бездельником не будешь; Горе тому, кто порядка не наводит в дому; Без порядка армии нет; Всему своё время и своё место.

2.1.2. Время

Времени наши пословицы придают жизненное значение. Об этом свидетельствуют хотя бы такие из них:

Время – не деньги, потеряешь – не найдёшь; Время денег дороже; Время деньги даёт, а на деньги время не купишь; Время дороже золота; Время и камень долбит; Время идёт, как птичка несёт; Время летит безвозвратно; Время не дремлет, часы не стоят; Время не ждёт; Времени не поворишь; Время – не птица: за хвост не поймаешь; Время как воробей: упустишь – не поймаешь; Время на время не приходится; Всё до поры до времени; Всё хорошо до поры до времени; Всё идёт своим чередом; Всё перемелется, мука будет; Всему своё время; Время научит, что делать; Время всему научит; Время разум даёт; Время всё излечит; Время – лучший лекарь; Время всё сглаживает; Время придёт – слёзы утрёт; Время – судья; Время уходит, а другое приходит; Времена переходчивы, а злыдни общие; Временем густо, а временем пусто; Временем и дурак правду скажет.

У времени три измерения – прошлое, настоящее, будущее.

Прошлое

Два противоположных отношения к прошлому мы обнаруживаем в русских пословицах – отрицательное и положительное. В первом случае прошлое оценивается под знаком минус, а во втором – под знаком плюс.

О прошлом лучше не вспоминать:

Кто старое вспомянет, тому глаз вон; Кто старое вспомянет, того чёрт на расправу потянет; Что прошло – поминать на что? Поминать старое – шевелить костями; Был и пан, да пропал; Была правда когда-то, да извелась (излежалась); Не нажить тех дней, кои прошли; Что с возу упало, то пропало; Юркнуло, так потонуло; То пропало, что в море упало; Был со всем, а стал ни с чем; Бывали у вороны большие хоромы, а ныне и кола нет; Умерла та курица, что несла золотые яйца; Был конь, да уездили (изъездили); Уходили (укачали, умыкали) бурку крутые горки; Что было, то сплыло; Было да быльем поросло; Старое добро миновалось, до нового дожить не досталось; Было добро, да давно, опять будет, да уж нас не будет; Певали и мы эту песню, да устали; Спаленное пожарище долго пахнет; Где дёготь побывает – не скоро дух выведешь.

О прошлом нужно не только помнить, но и учиться у него:

Пускай будет по-старому, как мать поставила; Спокон веку, как свет стоит, так исстари повелось; Как отцы и деды наши, так и мы; Как жили деды да прадеды, так и нам жить велели; Жили деды так, и мы проживём; Так жили отцы и деды наши; Наши отцы и деды того не делали, да и нам не велели; Старики, чай, не меньше нашего знали; Отцы и деды наши не знали этого, да жили же не хуже нашего; Прадеды ели просто, да жили лет по сту; Живи по-старому, проживёшь дольше; Нового счастья ищи, а старого не теряй! Добро помни, а зло забывай.

Настоящее

Жизнь скоротечна. Не успеешь оглянуться – пора уже и о душе думать. Стало быть, пока жив, надо спешить. Но вот что поразительно: в русских пословицах преобладает дух неспешности. Они предупреждают больше не о скоротечности жизни, а о том, что спешить не следует.

Вот лишь очень ограниченный список русских пословиц, призывающих к неспешности:

Поспешишь – людей насмешишь; Тише едешь – дальше будешь; Скоро только блох ловят; Не спеши, коза, все волки твои будут; Быстрая лошадь скорее станет; Быстрая вода до моря не доходит; И горячая вода остывает; Воробей торопился, да маленький уродился; Горяч блин, да скоро остыл; Шагом обозы идут; Скоро поедешь, не скоро доедешь; Скорого дела не хвалят; Наскоре слепых рожают; Скороспелка до поры загнивает; Пиши,

да не спеши! Наскоро делать – переделывать; Прытко бегают, так часто падают; Заторопка со спотычкой живёт; Не сразу Москва строилась; Родился – не торопился, а теперь незачем; Родился – не торопился, не спешить стать и умирать; Не торопи умирать, дай состареться! Был такой, что торопился, да скоро умер. У меня дядя все спешил, да и помер.

Но в неспешности всё-таки надо и меру знать:

Спешить не спеши, а поторапливайся! Долго рассуждай, да скоро делай! Рядился на год, а завтра срок; Кто по годам, а мы по часам; Сказано – сделано; Скоро, так спасибо; а споро, так и два; Дважды в год лето не бывает; Как вскипело, так и поспело; Засиженное яйцо – всегда болтун; Недолго метил, да хорошо попал; Одна нога тут, другая там; Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

Будущее

Нам кажется, что мы будем жить вечно. На помощь могут прийти такие, например, пословицы:

У бога дней много; Впереди дней много; У бога дней не решето; Божьи дни не вымерли; Русский час долог.

Но иногда мы всё-таки вспоминаем и о скоротечности жизни:

Солнышко нас не дожидается; Много дней впереди, много и назад; Век мой впереди, век мой назад, а на руке нет ничего.

Волей-неволей приходится думать о будущем. Русские пословицы направляют наши мысли о будущем по двум путям: 1) будущее – предсказуемо; 2) будущее – непредсказуемо.

Пословицы о предсказуемости будущего:

Какие корни – такие и отростки; От осины не родятся апельсины; От яблоньки – яблоко, а от ели – шишка; Яблоко от яблони не далеко падает; Волком родился, овцой не бывать; Из ястребиного яйца ястреб выходит; Где вороне ни летать, а всё навоз клевать; От худой курицы – худые яйца; Куда один баран, туда и всё стадо; Что посеял, то и пожнёшь; Каково семя – таков и приплод; Горшок о горшок сколько ни бей, а масла не будет; Из сна каши не сделаешь; Из чёрного не сделаешь белого; Каков поп – таков и приход; Отец – рыбак, и дети в воду смотрят и т. п.

К. И. Чуковский в сказке «Путаница» вложил подобную премудрость в уста хитроумного зайчатки:

*Не бывать вороне коровою,
Не летать лягушатам под облаком!*

Из подобной премудрости легко добраться до пословиц, которые обрекают человека на смирение перед судьбой:

Видно, так на роду написано; Кому что на роду написано; Кому что бог даст; Чему быть, того не миновать; Чему быть, тому и стать; Как чему быть, так и быть; Что будет, то будет, того не минуешь; Что будет, то будет; а будет то, что бог даст; Коли быть беде, то её не минуешь; Судьба придёт – по рукам свяжет; Судьба придёт, ноги сведёт, а руки свяжет; От беды не уйти; От греха не уйдешь.

Отсюда следует: каждому – своё:

Знай, сверчок, свой шесток; Знай, телок, свой хлевок! Знай, свинья, своё стойло! Козёл – по горам, баран – по дворам; Сколько кобылке ни прыгать, а быть в хомуте; Как ни вертись собака, а хвост позади; Не растут уши выше лба; Через свою голову не перепрыгнешь; Плетью обуха не перешибёшь; Если ты наковальня – терпи, если молот – терпи; Выби-

рай епанчу по плечу; Не в свои сани не садись! Каковы сами, таковы и сани; Кому кнут да вожжи в руки, а кому хомут на шею; Кому яичко, а кому скорлупка и т. п.

Заинька может добавить:

*Кому велено чирикать —
Не мурлыкайте!
Кому велено мурлыкать —
Не чирикайте!*

Многие пословицы, предсказывающие будущее, построены по такой модели:

Была бы изба, будут и тараканы; Была бы шуба, а виши будут; Был бы бык, а мясо будет; Была бы свинка, будут и поросятки; Были бы бобры, а ловцы будут; Был бы лес, а топор сыщем; Было бы болото, а черти будут; Были бы пирожки, будут и дружки; Была бы невеста, а сваха будет (и наоборот); Была бы собака, а палку найдем (и наоборот); Был бы мешок, а деньги будут (и наоборот); Был бы крюк, а верёвку найдём (чтоб удавиться); Была бы шея, а верёвку сыщем; Была бы шея, а петля найдётся; Были бы кости, а мясо будет; Были б песни, будут и пляски; Было бы вино, а пьяны будем; Было бы начало, будет и конец.

Пословицы о непредсказуемости будущего:

Знать бы, где упасть, соломки бы подстелил; Не угадаешь, где упадёшь, где встанешь; Поживём – увидим; Либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет; Это вилами писано (на двое), да ещё и на воде; Всякая вещь о двух концах; Бабка на двое сказала; Завтрашнему дню не верь! Наперёд не загадывай!

Будущее чревато неожиданностями. Вот почему его лучше не торопить. Лучше подождать:

Жди, когда рак на горе свистнет; Сиди у моря да жди погоды; Жди, чего-нибудь дождёшься; Не робей: жди не спотыкаячись; Не устать ждать, только бы выждать; Погодить не устать – было бы чего ждать; Жду-пожду да ещё пожду; Ждём-пождем: что-то наждём; Не под дождем: постоим да подождём; Погоди – пусть прояснится; Век ждать – век прождать; Ждали-пождали, да жданки и наждали; Ждать сели да жданки и съели.

Не все русские умеют ждать. Есть среди них и нетерпеливые. О них свидетельствуют такие пословицы:

Ждать да догонять – хуже всего; Вынь да положь; Кто с нетерпением ждёт, тот долго ждёт, а кто с терпением – меньше; Нетерпеливые часто платят дорого за то, что терпеливым достаётся бесплатно.

Терпеливых среди русских больше, чем нетерпеливых. Недаром долготерпение русских стало притчей во языцех. Типичный русский человек умеет ждать и годить.

Вот как начинается «Современная идиллия» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Однажды заходит ко мне Алексей Степаныч Молчалин и говорит:

– Нужно, голубчик, погодить!

Разумеется, я удивился. С тех самых пор, как я себя помню, я только и делаю, что го-жу́.

Вся моя молодость, вся жизнь исчерпывается этим словом, и вот выискивается же человек, который приходит к заключению, что мне и за всем тем необходимо умерить свой пыл!

– Помилуйте, Алексей Степаныч! – изумился я. – Ведь это, право, уж начинает походить на мистификацию!

– Там мистификация или не мистификация, как хотите рассуждайте, а мой совет – погодить!» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в десяти томах. Т. 8. М., 1988. С. 5).

2.1.3. Пространство

Категория пространства всеохватна. Но в русских пословицах она связана чаще всего со следующими её ипостасями: *близкое / далёкое, путь / дорога, простор / теснота.*

Близкое / далёкое

Близкое – значит родное:

Зачем далеко, и здесь хорошо; Всякому мила своя сторона; Мила та сторона, где пупок резан; Милует бог и на своей стороне; На родной стороне и камешек знаком; С родной сторонки и ворона мила; И кости по родине плачут; Глупа та птица, которой гнездо своё немило; Кукушка кукует, по бездомью горюет; Всяк кулик своё болото хвалит; За морем теплее, а у нас светлее (веселее); За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да своё; Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома! Родимая сторона – мать, чужая – мачеха; Родная земля и во сне снится; Родной куст и зайцу дорог; Где родился, там и пригодился; Хороша Москва, да не дома; С родной (родительской) земли – умри, не сходи!

Далёкое – значит чужое:

Чужая сторона – мачеха; Чужая сторона – вор; Одна сваха чужую сторону нахваливает (а сама дома сидит); На чужой стороне родина милей; На чужой стороне и солнце не греет; На чужой стороне и весна не красна; На чужой сторонке и кости по родине плачут; На чужой стороне и старушка божий дар; На чужой стороне и сокола вороной зовут; На чужой сторонкушке рад своей воронушке; В чужом месте что в лесу; Чужая сторона – дремучий бор; Чужая сторона и без ветра сушит, и без зимы знобит; Скучно Афонюшке на чужой сторонкушке; Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет; Чужбина по шерсти не гладит; Горе в чужой земле безъязыкому.

Слава богу есть у нас пословицы, которые призывают не засиживаться на одном месте:

На одном месте и камень мохом обрастает; Сокол на одном месте не сидит, а где птицу видит, туда и летит; Где дуракова семья, тут ему своя земля; Жить в деревне – не видать веселья; Сиди, как мёд кисни! Кисни, опара, на своём квасу! Дома сидеть – ничего не высидеть.

Путь / дорога

Выражение *жизненный путь* наполнено глубоким смыслом. Мы начинаем свой жизненный путь в младенчестве и заканчиваем его на смертном одре. Вот почему нет ничего удивительного в том, что категория пути лежит в основе многих наших представлений. Чуть ли не целиком она определяет композицию волшебной сказки.

В. Я. Пропп писал в связи с этим: «Композиция сказки строится на пространственном перемещении героя. Эта композиция свойственна не только волшебной сказке, но и эпосе (Одиссея) и романам; так построен, например, Дон-Кихот. На этом пути героя могут ждать самые разнообразные приключения» (Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2014. С. 32).

Наши пословицы учат серьёзному отношению к пути-дороге:

Не ходи в море без одежды; Хлеб в пути не тягость; Едешь на день, а хлеба бери на неделю! Печка нежит, а дорожка учит; Кто едет скоро, тому в дороге не споро; Тише едешь – дальше будешь; Не ищут дороги, а спрашивают; Кто прямо ездит, дома не ночует; Где дорога, там и путь; Не бойся дороги, были б кони здоровы; Как нукнешь (хлестнёшь, ударишь), так и уедешь; Нож в пути – товарищ; В дороге и врага назовёшь родным отцом; Умный товарищ – половина дороги; В игре да в попутье людей узнают.

Простор / теснота

Русские люди испокон веков жили на больших территориях. Вот почему они привыкли к простору на природе. Но дома им приходилось чаще всего привыкать к тесноте. На тесноту они смотрели с горьким юмором и смирением:

В большомуглу сами живём, а печь да полати внаём отдаём; Где тесно, там и ложись; Такая теснота, что яблоку пасть негде; И всем было б место, коли б не было тесно; Места много, а привалиться негде; Когда б не тесно, пошел бы плясать; Коли тесно, так и курица курицу с насести сталкивает; Коли тесно, так подвинься; На одном гвозде всего не повесишь; Вместе – тесно, розно – тошно; В тесноте люди живут, а на просторе волка гоняют; В тесноте люди песни поют, на просторе волки воют; Кому тесно, а нам будет место; Лучшие жить в тесноте, чем в обиде; В тесноте, да не в обиде; Не теснота губит, а лихота; На каждого вора много простора.

2.1.4. Начало и конец

Русская пословица гласит: *Где не было начала, не будет и конца*. Её можно и переиначить: где было начало, будет и конец. Иначе говоря, всё в этом мире имеет своё начало и свой конец. Ничто не вечно под луною!

Но авторам русским пословиц было не до философии. Не до жиру, быть бы живу! Им надо было делом заниматься. Вот почему большая часть русских пословиц о начале и конце спроецирована не на начало и конец вообще, а на начало и конец дела.

У англичан есть пословица *A good beginning makes a good ending*. Придавали большое значение началу в любом деле и русские:

Доброе начало – половина дела; Доброе начало – полдела откачало; Путному началу благой конец; Каково начало, таков и конец; Всё дело в почине; Почин всего дороже; Зачин (начин, почин) дело красит; Не для барыша, ради почину; Починком торг стоит; Почин дороже рубля (денег). Мал почин, да дорог; Лиха беда начало; Лиха беда почин; Лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха.

Даже хорошее начало в любом деле не всегда приводит к его успешному концу. Тем более – плохое. Вот почему надо помнить о том, что:

Начать – не то, что кончить; Умел начать, умей и кончать! Одному началу один и конец; Одному началу не два конца; Зачать легко, а родить трудно; Это ещё только цветочки, а ягодки будут впереди; Не верь началу, а верь концу; Не хвались отъездом, хвались приездом! Не суди по приезду, суди по отъезду! Начало трудно, а конец мудрён; Не стращай началом, покажи конец! Начиная дело, о конце помышляй! Сначала думай, а под конец делай! Не начавши думай, а начавши делай! Заварил кашу – расхлёбывай; Затянул песню, так доведи до конца; Где хвост начало, там голова мочало; Плохое начало – и дело стало; Плохое начало, что не видать конца; Сначала густо, а под конец пусто; Запел соловьём, да кончил петухом.

Между началом и концом во всяком деле есть серёдка. От неё зависит, будет ли конец успешным или не будет:

Серёдка всему делу корень; Дело серёдкой крепко; Неделя середию крепка; Серёдка на половине – никто не в обиде; Пошло дело в завязку, дойдет и до конца; Дело заделано, надо доделывать; Коли мять лен, так уж доминать; Кто в субботу смеётся, в воскресенье плакать будет.

Об успехе дела судят по его концу:

Конец – делу венец; Добрый конец – всему делу венец; Конец дело красит; Не дорого начало, а похвален конец; Доброе начало не без конца; Дело без конца, что кобыла без хвоста; Не всякая песня до конца допеваётся; Горяч на почине, да скоро остыл; Всякое дело с концом хорошо; Початую кладушку домолачивай, упрямую бабу доколачивай! Весенней озими в засек не сыплют; Не круто начинай, а круто кончай! Ни видав вечера, и хвалиться нечего; Начал за здоровье, а свёл на упокой; Цыплят по осени считают.

2.1.5. Покой и движение

Русский человек в своих пословицах призывал к мере как по отношению к покою, так и по отношению к движению. Вот почему он осуждал и чрезмерный покой, и чрезмерное движение.

Против чрезмерного покоя:

Под лежащий камень и вода не течёт; Стоячая вода плесенью покрывается; Стоячая вода гниёт (киснет); В стоячей воде всякая нечисть заводится; Лучшие замёрзнуть на ходу, чем стоять на одном месте; Его оттуда ломом не выломишь, шилом не выковырнешь; Засел, как гвоздь в стене; Сидит, как сыч; как курица на яйцах; Сидит, как чёрт на пеньке; Расселся, что куль муки; Завяз, что в болоте; На одном месте и камень мхом покрывается; На месте застрял – от жизни отстал.

Против чрезмерного движения:

Топают, как лошадь; Топают, словно кованный волк; Он с ног сгорел; Резвы ноги подломились; Вертится, словно на ежа сел; Вертится, как на шиле (как сорока на колу); Вертится, коробится, как береста на огне; Мечется, как вор на ярмарке (как угорелый, как угорелая кошка); Стоя растёшь вдвое; Стоя съешь вдвое.

2.1.6. Общее и особенное

Всякий предмет совмещает в себе нечто общее с подобными предметами и нечто особенное, что его отличает от этих предметов. Так, любой камень совмещает в себе нечто общее с другими камнями, но одновременно каждый камень имеет нечто особенное, что его отличает от других камней. Ту же картину мы обнаруживаем в любом другом продукте не только физической природы, но и живой, а также в любом продукте психической и культурной деятельности. Вот почему категории общего и особенного являются универсальными. Они нашли отражение в русских пословицах.

Пословицы, подчёркивающие общее:

Все одно, что дерево, что бревно; Лук с чесноком – родные братья; Чёрная собака, белая собака, а всё один пес; Серая овца, белая овца – всё один овечий дух; Подпасок тот же пастух; Одни ворота, что на двор, что со двора; Что совой о пень, что пнём о сову, а всё сове больно; Что голому, что нагому – не легче; Как ни ворочай, а всё блин блином; Который палец ни укуси – всё больно; Всё едино, что хлеб, что мякина; Хрен редьки не слаще; Куда ни кинь, всюду клин; Хоть стрижено, хоть брито – всё голо; Каков пошёл, таков и воротился; С трубами свадьба, и без труб свадьба; Муж и жена – одна сатана; Два сапога пара; Будто из одной плахи вытесаны; Все детки одной матки; Будто не всё одно, что украл, что так унёс.

Пословицы, подчёркивающие особенное:

И на дереве лист на лист не приходится; Высохло море, а всё не луже чета; Тот же медведь, да в другой шерсти; В одно перо и птица не родится; Не сорока, перо в перо не уродится; Не все сорочьи дети – в одно перо не уродятся; Не всё едино, что хлеб, что мякина; Не все топор, что рубит; И на руке пальцы не равны; И дурень дурню рознь; И

дурак на дурака не приходится; С иным дураком смех, с другим грех; Это человек другого покрою; И все люди, да всяк человек по себе; Те ж кафтаны, да не те карманы; Тот же шут, да в иной шерсти (да в красной шапке); Тот же блин, да подмазан; Та же щука, да под хреном; Та же опара, да другой кисель; Те же шанежки, только заскорузли; И из одной печи, да не одни калачи; И одной матки детки, да не равны; Все детки, да не одной матки; На одном вече, да не одни речи.

2.1.7. Явление и сущность

Явление обнаруживается в том или иной предмете без особых трудностей, поскольку оно на виду. Его легко рассмотреть на первый взгляд. Другое дело – сущность, которая кроется за явлением. Её обнаружение требует наблюдений и размышлений.

Так, внешне тот или иной человек может выглядеть некрасивым, неказистым, незаметным и т. д., но внутренне он может быть вовсе не таким, как кажется на первый взгляд.

Вот примеры пословиц, которые учат нас ценить в человеке не внешность, а его внутренние достоинства:

Не казист лицом, да потряхнёт молодцом; Не пригож лицом, да хорош умом; Мужичок не казист, да в плечах харчист; И тонок, да звонок (да жилист); Не ладно скроен, да крепко сшит; Неуклюж, да дюж; Рожса кривая, да совесть прямая; Глазами и кос, да душою прям; И косолоп, да цеп из рук не валится; Не пригожа, да пригодна; Не гляди на лицо, а гляди на обычай.

Но бывает и наоборот: внешность у человека хороша, да душа дурная:

Молодец красив, да на душу крив; Лицом детина, да разумом скотина; Поглядишь – картина, а разглядишь – скотина; Сличика яичко, а внутри болтун; Словами и туды и сюды, а делами никуды; С рожки хорош, да не лизать его статъ; Со лба красив, да с затылка вишив; Борода велика, а ума ни на лыко; Видно сокола по полёту; Наряд соколий, а походка воронья; Видом сокол, а голосом ворона. Видом орёл, а ума, что у тетерева; По бороде апостол, а по зубам собака; И глазаст, и ротаст, а пути в нём нет; С собой красава, да душа трухлява; Родилась пригожа, да по нраву негожа; В праздник – белоличка, в будень – чумичка.

Не следует быть чересчур доверчивым к органам чувств. Они часто обманывают:

Не всякая блёстка золото; Сверху ясно, снизу грязно; Сверху густо, снизу пусто; Издали и так и сяк, а вблизи ни то, ни сё; Красна ягодка, да на вкус горька; Криво дерево, да яблоки сладки; С лица не воду пить; По платью встречают, а по уму провожают; В тихом омуте черти водятся; Речи королевские, а дела нищенские; Не всё, что серо, волк; И космато, да не медведь; Не всё то русалка, что в воду ныряет; Не все те повара, у кого ножи долгие; Дом для фасада строится. Красно глядеть, а жить негде; Не красна изба углами, красна пирогами; Забор хорош, столбы гнилы; Камчатная наволочка соломою набита; Мыло серо, да моет бело; Не красна книга письмом, красна умом.

2.1.8. Качество и количество

Слово *качество* употребляется в разных значениях. Но два из них являются основными. Во-первых, оно используется как синоним слов *признак, свойство, особенность, характеристика, атрибут, предикат* и т. п., а во-вторых, – для обозначения всей совокупности признаков, которыми обладает тот или иной предмет.

Русские пословицы выделяют в тех или иных предметах, как правило, наиболее их характерные, наиболее типические их качества. Именно такие качества и делают предметы такими, каковы они есть, или такими, какими они должны быть. Сюда относятся многочисленные пословицы со словом *всякий (всяк)*. Например:

Всякая вещь о двух концах; Всякой вещи – своё место; Всякому – своя дорога; Всякому делу своё время; Всякое время переходчиво; Всякому дню своя забота; Всякому овощу – своё время; Всякое время своих друзей собирает; Всякая козявка лезет в букашки; Всякая мокрица хочет летать, как птица; Всякая птица тепла ищет; Всякая птица свои песни поёт; Всякая птичка сети боится; Всяк свою шкуру защищает: корова – рогами, конь – копытом; Всяк глядит, да не всяк видит; Всякое решение любит рассуждение; Всякий совет к разуму хорош; Всяк Федот по-своему гнёт; Всякий Тит за себя стоит; Всякий по-своему с ума сходит; Всякое дело мера красит; Всякое дело человеком ставится, человеком и славится; Всякому молодцу ремесло к лицу; Всяк портной на свой покрой; Всякому нужен и обед и ужин; Всяк добр, да не для всякого; Всякое даяние – благо; Всякая дорога вдвоём веселей; Всякому своя беда горька; Всякому своя слеза едка; Всяк сам себе и друг, и недруг; Всяк умрёт, как смерть придёт; Всякая могила травой зарастает.

Много пословиц из этой же оперы построено по такой модели:

У всякого таракана своя щёлка есть; У всякой пичужки свой голосок; У каждой пташки свои колена; У всякого жеребёнка своя попрыжка; У всякой собаки своя кличка; У всякого барана своя фантазия; У всякого своя дурь в голове; У всякого своё уменье; У всякой бабки свои ухватки; У всякого молодца своя ухватка; У всякого Гришки свои делишки; У всякого Матвея своя затея; У всякого Мирона свои приёмы; У всякого Егорки свои поговорки; У всякой Пашки свои замашки; У всякой стряпки свои порядки; У всякой стряпушки свои повинушки; У всякого чина своя причина; У каждого плода свои семена; У каждого человека свой талант.

В число признаков, которыми обладает тот или иной предмет, кроме всех прочих, входит также и количество. Вот почему качество тесно связано с количеством. Эта связь особенно легко обнаруживается, когда мы имеем дело с изменением количественных характеристик у тех или иных предметов. Количество может переходить в качество.

О тесной связи количества с качеством напрямую свидетельствуют некоторые пословицы, в которых, как правило, по суеверным причинам определённому числу предметов приписывается соответствующее качество. Речь идёт о «счастливых» и «несчастливых» числах. Так, В. И. Даль включил в свой словарь такую пословицу: *Тринадцать – несчастливое число*. Причина известна: тринадцатым был Иуда, предавший Христа. Зато три – счастливое число. Отсюда:

Бог троицу любит. Святой счёт, что троица; Три перста крест кладут; Без троицы дом не строится, без четырёх углов изба не становится.

Чёт считается у русских счастливой характеристикой тех или иных предметов, а нечет, напротив, – несчастливой. Об этом свидетельствуют такие пословицы:

Бог нечётку любит; Нечётка – счастливая; Курицу подсыпают нечетом яиц; Кнут да пушка (при салюте) любит нечет.

Если пройти по первой десятке, выйдет вот что: числам может приписываться разное качество. Это зависит от ситуации:

Одна правда на свете живёт; Один раз не считается; Одним миром мазаны; Одного поля ягоды; Одним глазом спит, другим видит; Один гусь поле не вытопчет; Один пирог два раза не съешь; Одна голова хорошо, а две – лучше; Два арбуза в одной руке не удержишь; Глухому два раза обедню не служат; Двум господам не служат; Двум смертям не бывать, а одной не миновать; Две собаки дерутся, третья не суйся! Три дня – не три года; Три года – не три века; Четыре глаза видят лучше двух; Без четырёх углов изба не рубится; Один улей – улей, а пять – пасека; Живому – домик, а помер – шесть досок; Семь бед – один ответ; У сытого коня восемь ног; Кушай, кума, девятую шанежку, я ведь не считаю; Один дурак может больше спросить, чем десять умных ответить.

Далеко не всегда качество связано с конкретными числами. В русском пословичном сознании ведущую роль играют относительные количественные характеристики – *много / мало*. Им приписываются либо хорошие качества, либо плохие.

Много – хорошо:

Много – хорошо, а больше – ещё лучше; Большому кораблю – большое плавание; Из большой посуды не выльется; Из большого не выпадет; Из большого не мудрено убавить, а из малого? Из большого убавить можно; Из большого выкроишь, а из малого зубами не натянешь; Много бывает, а лишку не бывает (о деньгах).

Много – плохо:

Много трухи, да мало сена; Много ржи, да всё лебеда; И большой таракан не мерину чета; Много шуму, мало толку; Много захочешь – последнее потеряешь; Чем больше чувств – тем больше муки; Горшок большой, а места немного; Велик телом, да мал делом; Великоне, да диконек; Великоне, да плохонек; а маленек, да умненок; Велик жердяй, да жидок; мал коротыш, да крепыш; Велика Федора, да дура; Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал; Много сулят, да мало дают; На тяжёлый воз и рукавицы положишь, так потянут; Много говорят, да мало делают; Велик языку коровы, не даёт говорить.

Мало – хорошо:

Из малого выходит великое; Из многих малых выходит одно большое; От малого большое зарождается; По капле дождь, а дождь реки поит: реками море стоит; По капле дождь, по росинке роса; Капля камень точит; Невелика капля, а камень долбит; Пушинка к пушинке, и выйдет перина; Собирай по ягодке – наберёшь кузовок; Мал золотник, да дорог; Мал, да удал; Маленький, да удаленький; Птичка-невеличка, да коготок остёр; Сокол мал, да удал; Мал соловей, да голос велик; Соловей – птичка-невеличка, а заголосит, так лес дрожит; По крупнице и птица собирает, а сыта бывает; Курица по зернышку клюёт, да сыта живёт; Курица по одному яйцу носит; По капельке море, по былинке стог; По капельке море, по зёрнышку ворох; Полешко к полешку – и дрова; Полено к полону – костёр; По волоску всю бороду выщиплешь; Не стой за волосок – бороды не станет; Много – сытно, мало – честно; Мало, да честно, а и немного, да сытно; Рыба мелка, да уха сладка; Без копейки рубля не живёшь; У рубля копейки нет – и рубля нет; Копейками рубль крепок; С паршивой овцы – хоть шерсти клок; С миру по нитке – голому рубаха; Хорошего – помаленьку; Хорошего трижды не сказывают.

Мало – плохо:

Одним конём всего поля не изъездишь; Из одной муки хлеба не испечёшь; Пустой мешок стоять не будет; От малой искры, да большой пожар; От искры пожар разгорается; От искры сыр бор разгорелся; От копеечной свечки Москва загорелась; Легка рана, а головы не нашли; Голой кости и собака не гложет; Меж пальцев не много мяса; Много думается, мало сбывается. Капля яда всю бочку испортит; Маленькая собачка до старости щенков.

Чтобы найти золотую середину между много и мало, надо усвоить, что всё хорошо в меру:

Мера есть во всём; Во всём надо знать меру; Мера не солжёт; Душа меру знает; Лучшие мера, чем вера; Без меры и лапти не сошьёшь; Мера – не поповский карман: дно имеет; Выше меры и конь не скачет; На хотенье – есть терпенье; Не по мере еда – та же беда; С пылу хватать – не наестся, а обжечься; Врать ври, да знай же меру; От избытка уста глаголют; Не мудри без меры – перемудришь.

2.1.9. Причина и следствие

Русские люди сочинили множество пословиц о причине и следствии. Ценность таких пословиц огромна: они помогают людям ориентироваться в этом злом и запутанном мире. Но при этом следует иметь в виду истинные причинно-следственные связи, имеющиеся в нём. Их надо уметь отличать от ложных, поскольку всегда найдутся умельцы для запудривания с их помощью мозгов у чересчур доверчивых.

Истинные причинно-следственные отношения:

Нет дыма без огня; Дыма без огня не бывает; Зима пройдёт, и снег сойдёт, а что посеяно – взойдёт; Солнце встанет, так и утро настанет; Солнце низенько, так и вечер близенько; Что посеяно, то и взойдёт (или: вырастет); Какова земля, таков и хлеб; Каково семя, таков и плод; Каково волокно, таково и полотно; Каков мастер, такова и работа; Когда падает дерево, находится много дровосеков; Кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает; Лишь тот, кто обожжётся, знает силу огня; От малой искры сыр-бор загорается; От копеечной свечи (или: от искры) Москва загорелась; Оттого телега запела, что давно дегтю не ела; Где не было начала, не будет и конца; Где тонко, там и рвётся; Где цветок, там и медок; Где стадо, там и волк.

Ложные причинно-следственные отношения:

Денег девать некуда – кошель купить не на что; Денег много, да кошель нет; Подал бы гуся, да противня нет; Ел бы пирог, да в печи изжёг; Ему натошак ничего в рот не идёт; У кого много причин, тот много врёт; У него на всё отговорка готова; У него за причиной (или: за отговоркой) дело не станет; Он за причиной (или: за отговоркой) в карман не полезет; Наш Филат не бывает виноват.

2.1.10. Условие и следствие

Условно-следственные отношения близки к причинно-следственным. Их объединяет следствие, но причина и условие – не одно и то же. Причина – источник того или иного события, а условие – обстоятельство, при котором оно возможно или невозможно.

Условно-следственные отношения отражены в двух группах пословиц – серьёзных и насмешливых.

В серьёзных пословицах речь идёт о возможности или невозможности подлинных, реальных, действительных условно-следственных отношений:

Любишь кататься – люби и саночки возить; Большому кораблю – большое плаванье; С волками жить – по-волчьи выть; Попал в стаю – лай не лай, а хвостом виляй; Подальше положишь – поближе возьмёшь; Скоро поедешь – не скоро доедешь; Долго спать – долг наспать; Мелко плавать – дно задевать; Лежишь в постели – умей скучать; Меньше обещаешь – меньше грешишь; На всех угождать – самому в дураках сидеть; Придёт беда – не спасёт и крещенская вода; При погосте жить – всех не оплакать; Коли худ князь, так в грязь; Коли возжжи порвались, за хвост не удержишь; Коли мять лён, так уж доминать; Коли душа черна, так и мылом не отмоешь; Коли быть собаке битой, найдётся и палка; Коли лиса лапку положит, то и вся заберётся; Коли не веришь нам, так пощупай сам; Коли не кузнец, так и рук не погань; Коли нет сноровки, так смелостью не возьмёшь; Кто своего не любит и не ценит, тот чужим восхищается; Кто не бежит, тот и не споткнётся; Кто в кони пошёл, тот и воду вози; Кто посеет ветер, пожнёт бурю.

В насмешливых пословицах речь идёт о ложных, невозможных, надуманных, иллюзорных, фантастических, комических условно-следственных отношениях:

Если бы да кабы – выросли б грибы; Если бы не мороз, то овёс бы до неба дорос; Кабы не кабы, так и мы б были цари; Кабы не кабы, так я бы Ивана Великого в бутылку спрятал; Кабы Иван Великий был маленький, я бы его в карман посадил; Кабы не кабы да не но, то был бы генералом давно; Кабы не плешь, так бы и не голо; Кабы на Тарасовой голове да капуста росла, так был бы огород, а не плешь; Кабы не кабы, так было б море, не пруды; Кабы не кабы, стала б кобыла меринком; Кабы не кабы, так жил бы, не помер, а помер – не погнил; Кабы бабушка не бабушка, так была б она дедушкой; Коли б жил покойничек, так бы и не помер; Кабы не зубы да губы, так бы и душа вон; Кабы нашему сидню да ноги! Кабы у этого коня да не лысина во лбу, ему б и цены не было; Кабы ты была пила, то бы ты была железная и т. п.

2.2. Физическая природа

Природные условия, в которых живёт тот или иной народ, накладывают свой отпечаток на его национальный характер.

О влиянии природы на характер великороссов хорошо написал В. О. Ключевский: «Рядом с влиянием природы страны на народное хозяйство Великороссии замечаем следы её могущественного действия на племенной характер великоросса. Великороссия XIII–XV вв. со своими лесами, топями и болотами на каждом шагу представляла поселенцу тысячи мелких опасностей, непредвидимых затруднений и неприятностей, среди которых надобно было найтись, с которыми приходилось поминутно бороться. Это приучало великого русса зорко следить за природой, смотреть в оба, по его выражению, ходить, оглядываясь и ощупывая почву, не соваться в воду, не поискав броду, развивало в нём изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями. В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого» (Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера. Вып. I. Сост. С. К. Иванов. М., 1994. С. 134).

Автор этих слов считал также, что на характер русских существенное влияние оказала разбросанность их селений на обширной территории и работа в одиночку. Он писал: «Жизнь удалёнными друг от друга, уединёнными деревнями при недостатке общения, естественно, не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая чёрная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Потому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда ещё не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьётся некоторого успеха и привлечёт внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своём величии» (там же. С. 135).

Русский человек сознаёт величие природы. Об этом свидетельствуют некоторые наши пословицы:

Природа мудра; Природа берёт своё; Трудно природу переменить; Гони природу в дверь, она влетит в окно; Что природа дала, то и мылом не вымоешь; Природа науку одолевает; Не жди от природы милости: сам садочек сади, сам и вырасти.

Трудовому народу некогда любоваться красотами природы. Не до жиру – быть бы живу. Он воспринимает природу главным образом с практической точки зрения. Эта точка зрения отражена в русских пословицах о четырёх временах года. Она является крестьянской по преимуществу.

О весне:

Весенний день год кормит; Не теряй время попусту: весна пройдёт – не воротишь; Весною день упустишь – годом не вернёшь; Весной часом отстанешь – днём не догонишь; Пришла весна, так уж не до сна; Кто много спит весной, у того зимой бессонница бывает; Весенняя пора – поел да со двора; Матушка весна всем красна; Весна красная, а лето страдное; Весна красна цветами, а осень снопами; Весенний дождь растит, осенний гноит; Дождь в мае хлеба поднимает; Май холодный – не будешь голодный.

О лете:

Лето крестьянину – отец и мать; Лето – страдная пора; В страду одна лишь забота не стала бы работа; Там и хлеб не родится, где кто в поле не трудится; Летней день год кормит; По дважды в год лета не бывает; Летом дома сидеть – зимой хлеба не иметь; Летний день – за зимнюю неделю; Что летом родится, то зимой пригодится; Кто лето в холодке сидит, зимой наплачется; Летом нагуляешься, зимой наголодаешься; Летом пролежишь, зимой с сумой побежишь; Летом не вспотеешь, так и зимой не согреешься; Не проси лета долгого, проси тёплого; Плохое лето, коли солнца нету; Дождливое лето хуже осени; На погоду надейся, а сам не плошай; Май творит хлеба, а июнь – сено; Не топор кормит мужика, а июльская работа; В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять; Август – разносол, всего вдоволь.

Об осени:

Осень пришла, урожай принесла; День прозевал – урожай потерял; Чтоб хлеб осыпаться не мог, вали его скорее с ног; Спелому колосу – серп удалой; Цыплят по осени считают; В осень и у вороны копна хлеба; Осенью и воробей богат; Осенью и у кошки пирог; Весна даёт цветы, а осень – плоды; Осень – собери́ха, зима – подбери́ха; Не красно поле видами, а красно скирдами; Сентябрь холоден, да сыт; Сентябрь пахнет яблоками, октябрь – капустой; Всем бы октябрь взял, да мужику ходу нет; В ноябре мужик с телегой прощается, в сани забирается; Держись за землю-матушку – она одна не выдаст.

О зиме:

Зима спросит, что летом припасено; И зимой будет ягода, если заготовить загодя; Задержишь снег на полях зимою – будешь с хлебом осенью; Зима без снега – лето без хлеба; Много снега – много хлеба; Декабрь год кончает, зиму начинает; Месяц январь – зимы государь; Январю-батюшке – морозы, февралю – метели; Как февраль не злишь, а на весну брови не хмурь; Не пугай зима; весна придёт; Новый год – к весне поворот; Нет зимы, которая бы не кончалась; Будет зима – будет и лето; Холодная зима – жаркое лето.

Своеобразие русского национального характера нашло отражение в восприятии физической природы. Отмечу здесь пословицы, по которым мы в какой-то мере можем судить об отношении русских к важнейшим явлениям этой природы. На это отношение в какой-то степени влияла славянская мифология. Её носителями были по преимуществу крестьяне, поскольку они были ближе к природе, чем горожане.

2.2.1. Земля

Слово *земля* используется в русском языке в разных значениях. Оно используется для обозначения 1) почвы; 2) нашей планеты; 3) страны (Русская земля); 4) родины и т. д. В русском обыденном сознании преобладает первое из этих значений. Именно это значение подразумевается в выражении «Мать – сыра земля».

А. Л. Топорков писал: «Выражение "Мать – сыра земля" подразумевает связь со стихией воды: земля оплодотворена дождём и готова родить урожай» (Славянская мифология. Под ред. В. Я. Петрухина, Т. А. Агапкиной и др. М., 1995. С. 193).

Земля – кормилица. Земля – мать всего живого. На ней мы живём. Вот почему наш народ говорит о ней с любовью и благодарностью:

Мать сыра-земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим телом пригревает; Родная земля и в горести мила; Своя земля и в горсти мила; Родная земля и во сне снится; Береги землю родимую, как мать любимую; Земля зимой силу копит, а летом отдыхает; Упал, так целуй мать сыру землю да становись на ноги; Земля кормит людей, как мать детей; Добра мать до своих детей, а земля – до всех людей; Из земли всё родится; Держись за землю – трава обманет; Земелька чёрная, а хлебец белый родит; Чёрная земля золотую рожь плодит; Матушка-земля – кормилица твоя.

Земля требует заботы:

Земля родит оттого, что за ней ухаживают; Кто мать сыру землю любит, тот голоден не будет; Землю потом поливай, землю грудью защищай; Не тот земли хозяин, кто по ней ходит, а тот, кто соху водит; Землю пахать – не в дуду играть; Удобрить землю – снимешь пшеницу; Добрая земля навоз девять лет помнит; С землёй не хитри – сам себя обманешь и т. д.

Не забыл русский народ и о неизбежном:

Земля всех питает, а сама всех поглощает; Мы все на земле только гости; Из земли вышел, в землю и ушёл; Земля всех сравнивает; Все люди равны – не на земле, а в земле; Все в землю ляжем, все прахом будем; Царь и народ – всё в землю уйдёт; Земля на могиле задерживает, а худой славы не покрывает.

2.2.2. Вода

В словаре читаем: «ВОДА – в народных представлениях одна из основных стихий мироздания (наряду с землей, воздухом и огнём): опора, на которой держится земля; источник жизни и средство магического очищения. Вместе с тем водное пространство – граница между “этим” и “тем” светом, путь в загробное царство, место обитания душ умерших и нечистой силы» (там же. С. 96).

Выходит, что вода, с одной стороны – друг, а с другой – враг.

С одной стороны, вода – благодатная сила:

Вода всему госпожа: воды и огонь боится; Хлеб – батюшка, водица – матушка; Не плюй в колодезь: пригодится водицы напиться; Вода – сама себе царь; Вода сама себя кроет, а землю, знает, роет; Вода себе путь найдет; С водой и огнём не поспоришь; И тихая вода крутые берега подмывает.

С другой стороны, с водой надо быть осторожным:

Чёрт огня боится, а в воде селится; Огню не верь и воде не верь; Не узнавши броду, не суйся в воду; Где вода, там и беда; От воды всегда жди беды; Жди большой беды от лхой воды; Пришла беда, разозлилась вода; Хороша вода с берегу; Упадёшь в воду – сухим не выйдёшь.

Но всё-таки пользы от воды намного больше, чем вреда. Вот почему русские люди обживали реки. В. О. Ключевский писал: «На реке он (русский человек. – В. Д.) оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов – и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она – его неизменная соседка: он жался к ней, на её непоёмном берегу ставил своё жильё, село или деревню. В продолжение значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она – готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога, не грозила ни бурями, ни подводными камнями: только вовремя поворачивай руль при постоянных капризных извилинах реки да помни мели, перекаты. Река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе» (Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера. Вып. I. Сост. С. К. Иванов. М., 1994. С. 132).

В русских пословицах мы находим обобщение многовекового опыта нашего народа, связанного с рекой:

Около реки колодезь не копают; Нельзя перейти реку в половодье; Красна река берегами; Мелка река, да круты берега; Журавль высоко летает, а от реки не отбывает; Каждая река к морю течёт; Оттого море всеми реками завладело, что оно ниже рек; Река никогда не взбирается на гору; Река высохнет, а русло останется; Река начинает мутнеть с истока; Река не бывает без притоков; Сотни рек начинаются от одного истока; И за

рекой люди живут; Даже река иссякает; Далеко разольется река, но русла не оставит; Хоть и глубока река, всё же есть дно, хоть и высока гора – всё же есть вершина; Река рыбака уважает, на хребте своём таскает; Река рыбки даст, рыбка хлебом накормит; Волга – всем рекам мать; Волга – добрая лошадка, всё свезет; Даже если страна погибает, горы и реки остаются.

Остаются не только реки, но и моря. О море наши предки сочинили множество пословиц. Оно предстаёт в них как великая и грозная стихия:

Часом море не переедешь; Челном море не переехать; Горстью море не вычерпашь; Ложкой моря не исчерпашь; Моря песком не засыпешь; Моря веслом не расплещешь; Слезою море не наполнишь; Моря не перегородишь; Море любой камешек обточит; Море переплыть – не поле перейти; Море что горе: и берегов не видно; Море что горе: не выпьешь до дна; Высохло море, а всё не лужа.

О морской стихии А. С. Пушкин писал:

*Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой*

С этой стихией надо быть предельно осторожным. Русские пословицы учат:

Хорошо море с берега; Тихо море, поколе на берегу стоишь; Хвали море, а сиди на берегу; Хвали море с полатей; Не верь тишине морской; Спокойствие моря обманчиво; Видя бурю, не пускайся в море; Море похвальбы не любит; Когда на море погода злая, езда худая; Жди горя с моря, а беды от воды; Близ моря – близ горя; Кто в море не бывал, тот горя не видал; Кто в море не бывал, тот досыта Богу не маливался; Кто на море не бывал, тот и страха не видал.

Приходится этот страх преодолевать. Для крестьян-поморов море что поле:

Море – рыбацье поле; Море – наше поле; даст Бог рыбу, даст и хлеб; Море – наше поле: даёт и рыбу, даёт и хлеб; Море – горе, а без него вдвое; Море отважных любит; Не верь морю, а верь кораблю; Море – мать и мачеха.

Без воды земля не плодоносит. Вот почему засуха для крестьян – великое горе. Вот почему они благословляют дождь:

Дождь – кормилец; Без дождя и трава не растёт; Идёт дождь, даст он рожь; Дождь – мужику рожь; Весенний дождь лишним не бывает; Дождь в мае хлеба поднимает; Дождик вымочит, а красное солнышко высушит; Будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузовок; Рыбаку дождь не помеха.

2.2.3. Болото

В МГУ я учился у правнука Льва Толстого Никиты Ильича Толстого (1923–1996). Каким прекрасным он был человеком! С большим удовольствием приведу его слова о болоте: «БОЛОТО – по верованиям восточных и западных славян, опасное и "нечистое" место, где водятся черти. Согласно одному из распространенных вариантов т. н. "творимой" легенды (легенды о сотворении мира), на земле сначала была сплошная вода. Бог ходил по ней и однажды встретил плывущий мутный пузырь, который лопнул, и из него выскочил чёрт. Бог повелел чёрту спуститься на дно и достать оттуда земли. Выполняя приказ, чёрт припрятал за обе щеки немного земли. Бог тем временем разбросал доставленную землю, и там, где она падала, появилась суша, а на ней деревья, кусты и травы. Но растения стали прорастать и во рту у чёрта, и он, не выдержав этого, принялся выплёвывать землю. Так

появились болота – разжиженная земля с малорослыми, уродливыми деревьями и грубой травой (записано на Витебщине)» (Славянская мифология. Под ред. В. Я. Петрухина, Т. А. Агапкиной и др. М., 1995. С. 62).

Интересно, как выглядит болото в русских пословицах? А что о нём можно сказать? Болото – оно и есть болото. Но всё-таки и о нём кое-что сказано. Например, такое:

В болоте тихо, да жить там лихо; Велико болото, да мала нивка; Было бы болото, а лягушки будут; Каждая лягушка своё болото хвалит; Каждый кулик своё болото хвалит; Всяк кулик на своём болоте велик; Всякий бухалень в своём болоте голосист; Лень да потягота живут на болоте.

2.2.4. Огонь

Без огня, как и без воды, не проживёшь. Недаром русские сказочники приписывали огню волшебную силу.

«В новгородской сказке, – приводит жутковатый пример В. Я. Пропп, – мальчика отдают в науку "дедушке лесовому". Его дочери топят печь. "Дед и бросил мальчика в печь – там он всяко вертелся. Дед вынул его из печки и спрашивает: "Чего знаешь ли?" – "Нет, ничего не знаю" (трижды; печь накаляется докрасна). "Ну, теперь, научился ли чему?" – "Больше твоего знаю, дедушка, – ответил мальчик. Учение окончено, дед лесовой и заказал батьку, чтоб он приходил за сыном". Из дальнейшего видно, что мальчик научился превращаться в животных» (Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2014. С. 79).

Огонь, как и вода, может приносить не только благо, но и уничтожение. Вот почему, как гласит пословица: *Огонь – друг и враг человека.*

Огонь – друг:

Человек без огня не живёт ни единого дня; Огонь да вода – всему голова; При огне как при солнце светло, при огне и зимою тепло; С огнём воюют, а без огня горюют; Огонь – беда, вода – беда, а нет хуже беды, как нет ни огня, ни воды.

Огонь – враг:

Огонь да вода всё сокрушают; Огня бойся, воды берегись; Огонь – не вода, охватит – не всплывёшь; Огонь не вода – пожитки не всплывают; В огне брода нет; Не топора бойся, – огня; Топор обрубит, а огонь с корнем спалит; Вор стены оставит, огонь и стен не оставит; От вора остатки бывают, а от огня одно пепелище; С огнём шутки плохи; Солома с огнём не дружит; В избе искра проказлива; Пожар с искры начинается; От огня и камень треснет; В огне и железо плавко; Огонь в карман не спрячешь и др.

2.2.5. Солнце

Солнце по славянским представлениям, – огромное огненное светило. Оно – главный источник не только тепла и света, но и жизни. Неудивительно поэтому что его обожествляли. У славян было, как мы помним, четыре солнечных божества – Сварог, Сварожич, Дажьбог и Хорс. Православные богословы пытались их заменить одним богом – Иисусом Христом.

«Византийская и древнерусская гимнография, – пишет А. Л. Топорков, – уподобляла Христа "праведному солнцу", а христианство – исходящему от него свету. Иисуса именовали также "незаходимым", "истинным", "разумным", "мысленным" солнцем, а иногда и "Богом-солнцем"» (Славянская мифология. Под ред. В. Я. Петрухина, Т. А. Агапкиной и др. М., 1995. С. 361).

Как ни старались православные церковники очистить сознание русских от языческих представлений, им это не удалось до конца сделать. Не удалось им это сделать, в частности, в отношении к солнцу. Его образ сохранился не только в религиозном сознании русских, как

и других славян, но также и в фольклоре. Но христиане всё-таки оставили на этом образе свой отпечаток.

У А. Л. Топоркова читаем: «В фольклоре солнце называли ясным и красным, светлым и святым, божьим и праведным, добрым и чистым. Во многих славянских традициях солнцем клялись и упоминали его в проклятиях. Оно предстаёт в поверьях как разумное и совершенное существо, которое или само является божеством, или выполняет Божью волю. В народных представлениях солнце – это лицо, око или слово Бога либо оконце, через которое Бог смотрит на землю» (там же. С. 362).

Не могли обойти наше главное светило и русские пословицы:

Велика святорусская земля, и везде солнышко; Без солнца дня не бывает; Красное солнышко на белом свете чёрную землю греет; Что мне золото – светило бы солнышко; Без солнышка не проживёшь; Солнце пригреет – всё поспеет; От солнца бегать – света не видать; Солнышко нас не дожидается; Восходящее солнце шестом не подопрёшь; Солнце встанет, так и утро настанет; Солнце низенько, так и вечер близенько; Солнце всходит – старым радость, а заходит – молодым сладость; На солнышко во все глаза не взглянешь; На солнышко не гляди: ослепнешь; Мешком солнышка не поймаешь.

Солнце в русских пословицах – символ правды, добра, счастья, справедливости и тому подобных идеалов:

Солнца не закроешь, а правду не скроешь; Мир освещается солнцем, а человек – знанием; Не заслонишь солнце рукавицей, не убьёшь молодца небылицей; При солнышке тепло, при матери добро; Счастье – что солнышко, улыбнётся и скроется; Придёт солнышко и к нашим окошечкам; И в моё оконце засветит солнце; Солнце не померкнет, народ не сломится; Солнце, как родная матушка, никогда не обидит; Солнышко на всех ровно светит.

Солнце также и символ величия. Когда умер А. С. Пушкин, В. Ф. Одоевский воскликнул: «Солнце нашей поэзии закатилось!».

В «Вакхической песне» солнце выступает у А. С. Пушкина как символ разума:

*Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!*

2.2.6. Луна

У С. М. Толстой читаем: «ЛУНА, месяц – небесное светило, устойчиво ассоциирующееся в народных представлениях с загробным миром, с областью смерти и противопоставленное солнцу как божеству дневного света, тепла и жизни... В фольклоре, однако, эти два светила связываются отношением родства (то это родные братья, то брат и сестра, то муж и жена)» (Славянская мифология. Под ред. В. Я. Петрухина, Т. А. Агапкиной и др. М., 1995. С. 245).

Двойственное отношение к луне отразилось и в наших пословицах.

С одной стороны, луна – не соперница солнцу:

Как месяц ни светит, а всё не солнышко; Светла луна, да не как солнце; Заходящее солнце на восходящую луну криво смотрит; Разве луна будет светить без солнца? Грело бы солнце, а месяц как хочет; Луна светла, да нет от неё тепла; Не всё греет, что светит: луна светла, да без тепла.

С другой стороны:

Огонь – царь, вода – царица, земля – матушка, небо – отец, ветер – господин, дождь – кормилец, солнце – князь, луна – княгиня; Солнце – князь земли, луна – княжна; Когда нет солнца, то и луна светит.

2.2.7. Воздух

Слова *воздух, дышать, душа, дух, дуть* и т. п. имеют индоевропейское происхождение. О чём нам говорит их этимологическое родство? С одной стороны, воздух – одна из природных стихий, которой мы дышим, а с другой стороны, душа (дух) уходит из умершего тела в виде воздушной струи. Вот почему воздушное пространство над землёй, по мифологическим представлениям, – место, наполненное душами умерших людей.

Мифологические представления о воздухе в русских пословицах по существу отсутствуют, хотя, конечно, когда мы слышим о каком-нибудь человеке, что он дух испустил, ассоциация духа с воздухом вполне естественна. Но выражение *испустить дух* – не пословица, а поговорка.

В словаре читаем: «ВОЗДУХ – в народных представлениях одна из основных стихий мироздания (как и земля, вода, огонь); сфера пребывания душ и невидимых демонических существ. В народных верованиях сближаются представления о воздухе и дыхании, дуновении, ветре. Пространство, заполняемое воздухом, обширнее, чем земля; на Воздухе "покоится" или "висит" небо. Воздух служит проводником, средой, через которую насыляется порча, распространяется болезнь. Появление "злого", "нечистого" воздуха связывают с моментом полного затишья, затмением луны и т. д. Людям, оказавшимся в такое время под открытым небом, предписывается упасть лицом вниз на землю, чтобы "не ухватить этого воздуха", и т. п.

В виде пара, воздуха или дыма душа покидает умирающего. У восточных славян об агонии человека говорят: "дух вон", "дух вышел" или "пар вышел". Воздух, пар, исходящий от покойного, может быть опасен для окружающих. В Полесье существует много быличек, в которых рассказывается, как прохожий видит над свежей могилой пар, принимающий образы женщины в белом платье, столба (или огненного воздушного столба); самого усопшего. Это привидение преследует человека, когда ветер дует тому в спину, а догнав, садится на пленника и убивает. Спасаясь от "духа", нельзя останавливаться, следует ударить его наотмашь, бежать против ветра и прятаться за угол, но можно и "развеять" его одеждой, особенно белым платком» (там же. С. 99–100).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.